КРОКОДИЛ

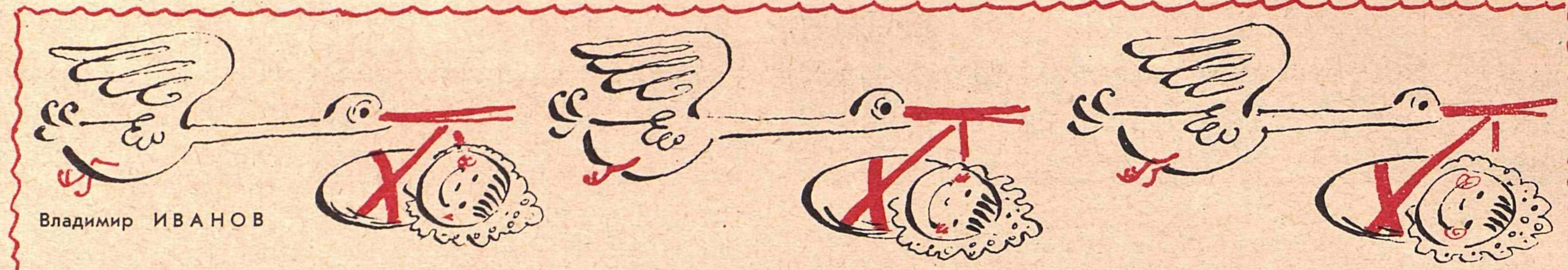
СНИЗИТЬ НА 5 ЛЕТ ВОЗРАСТ, ДАЮЩИЙ ПРАВО НА ПЕНСИЮ

ПРАВД

ТРЕК-ТОРКА

— Вы прекрасно выглядите... Помолодели на целых пять лет!

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Владимир ИВАНОВ

Бывали ль вы на берегах Невы?

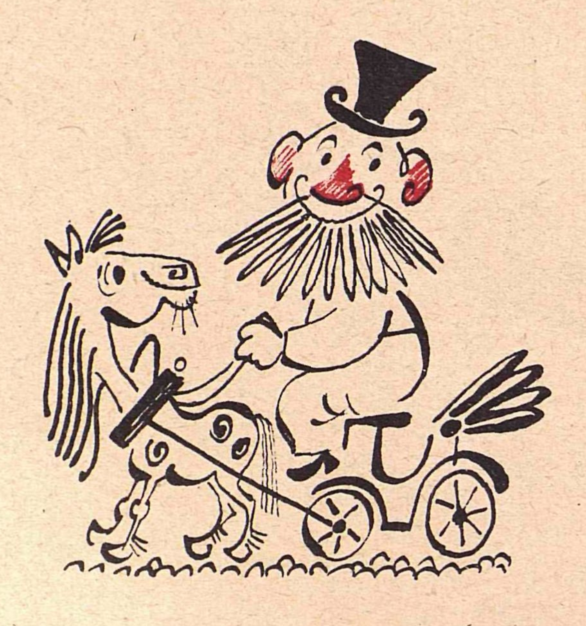
Рисунки А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

АИСТЫ ЛЕТЯТ

С поклажей аисты летят.
К великой радости родителей,
В год юбилейный
В Ленинград
Приносят в клювах
Новых жителей.
Для этих праздничных ребят
Салюта гром вдвойне приветней —
Как раз им будет пятьдесят
В советский юбилей столетний!

ЛЕНИНГРАДСКИЕ ПОДАРКИ

В подарок празднику — огромные
Сооружения подъемные,
Турбины мощные, гигантские,
Машины чудо-великанские.
Масштабы стали беспредельными:
На великанов поглядишь,
Да рядом с ними, юбилейными,
Александрийский столп — малыш!

ДЫМ

Труба фабричная соседке
Сказала:
— Помнишь, дым копной,
Любой, пожалуйста, расцветки:
Белесый,
Желтый,
Вороной.
А ныне топливом стал газ.

И если дым приметишь где ты,
Знай — по-фабричному сейчас
Дымят над рифмами поэты!

МЕДНЫЙ ВСАДНИК

Мерцают звезды. Месяц бледный
Тревожно смотрит на гранит.
— А где же, где же Всадник Медный?
На камне только конь стоит.

А вот петровская записка,
Две строчки вывело перо:
«Зело занятно — трасса близко,
Ушел знакомиться с метро».

«ВАНЬКА»

Дело главное извозчичье —
Тут ему и вожжи в руки! —
Знать все улицы и площади
И любые переулки.

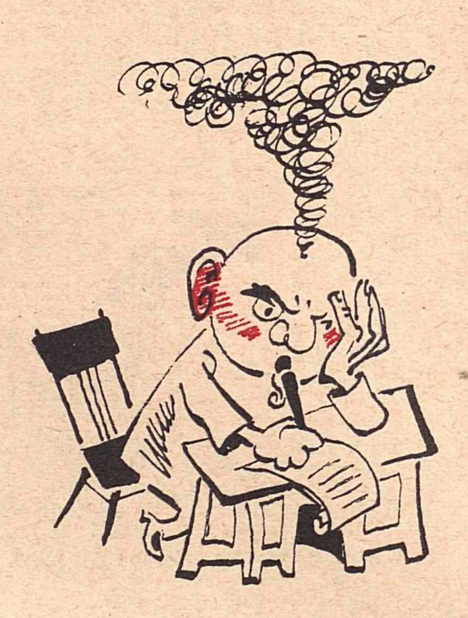
Миллионная. Дворянская.
Архиерейская. Ямская.
Николаевская. Грязная.
Таракановка. Глухая.

Нет, какие были улицы,
Для извозчика — потемки.
С козел сам интересуется
У других на киносъемке.

И потряхивает русою,
На своей пролетке тряской,
Бородой санкт-петербургскою
В постановке ленинградской.

ЕГО ВЫСОЧЕСТВО

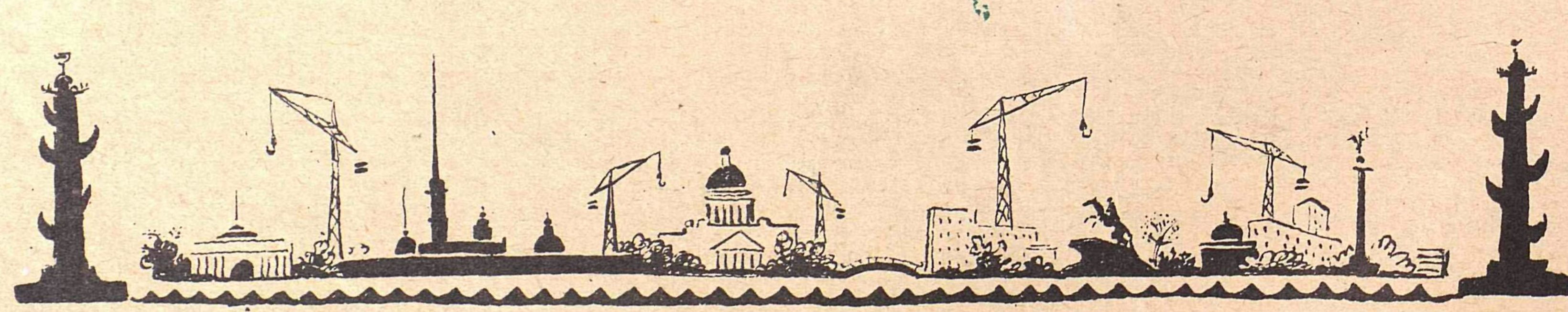
Растут у нас бессчетные
Жилые корпуса,
Строения высотные
Взмывают в небеса.
Там, на просторах зодчества,
Где ветра перепляс,
Царит Его Высочество —
Монтажник-верхолаз.

НАШ ГЕРБ

Тленом стал орел двуглавый
С грудой чудищ и зверей —
Всей геральдикой кровавой
Разных графов и князей.
Ты в веках сверкай и здравствуй,
Славный,
Сильный,
Огневой,
Наш серпастый-молоткастый
Герб Отчизны трудовой!

г. Ленинград.

МОЕ ОБОЗРЕНИЕ: ГОДЫ И ФАКТЫ

Когда я пытался выяснить у местных жителей дату рождения Карпатских гор, мне называли вполне определенные цифры. Но поскольку даты разнились в несколько миллионов лет, то, во избежание каких-либо недоразумений, позволю себе обойти этот вопрос.

Однако с абсолютной точностью удалось установить: Карпаты — древние горы. Тому множество свидетельств. Любой верховинец представит их вам с превеликим удовольствием.

Поинтересуйтесь — и узнаете, что в начале нашей эры здесь проживал народ карпы. Небольшой народ, а мужественный: даже могучему римскому императору, посягавшему на горы, осмеливался давать отпор. Хоть и погибли карпы в неравной борьбе, а память осталась: название гор от них пошло.

В названиях здешних сел навеки запечатлелись бурные события отдаленных веков. Вот хутор Святослав, неподалеку от которого могила погибшего в 1015 году князя. Вот село Семигинов, где при переправе через реку утонули («погинули») семеро сыновей Святослава. Вот гора Парашка, где захоронена дочь Святослава — красавица Парашка.

В Карпатах любят конкретные доказательства.

В селе Турье узнаете, что тут до вас успел побывать киевский князь Владимир Великий. В селе Лаврове покажут место, где похоронен князь Лев Данилович, именем которого назван Львов.

Приедете в Тухлю — и вас обязательно поведут в пещеры, где собирались беглые крепостные — опрышки. Ведомые отважным Олексой Довбушем, они наводили ужас на окрестных феодалов.

Таких исторических пещер здесь много.

— И эта тоже? — спросил я, побывав на окраине городка Сколе.

— Нет, это достопримечательность более позднего периода, — разъяснил потомственный горянин Владимир Николаевич Борис, персональный пенсионер, член Коммунистической партии Западной Украины с 1923 года. — Тут в конце двадцатых годов была наша подпольная типография, здесь мы листовки печатали.

Печатать революционные листовки и отправлять их во Львов, оказывается, несложно. Для этого, поведал Владимир Николаевич, нужно было просто переправить из Закарпатской Украины шрифты, печатные машины. Затем просто написать текст с грифом «Передавать из рук в руки» и размножить в типографии-пещере. И так же просто, с помощью кирпичей, отвезти литературу в Стрый, Дрогобыч, Львов. При чем здесь кирпичи, спрашиваете? Проще простого. Брали два чемодана, в один клали обычные кирпичи, в другой — обычную «крамольную» литературу. Во Львове, заметив шпика, следовавшего за вами, оставляли у какого-нибудь людного прилавка чемодан с кирпичами. И пока довольный «пан шпицель» открывал чемодан, прощупывал по одному кирпичики, ища крамолу, вы проходными дворами уходили и передавали из рук в руки нужный чемодан нужным людям.

Совсем, как видите, несложно.

Но в чем нельзя отказать сгинувшим правителям Карпат, так это в утонченной манерности. Они сами были панами и другим не препятствовали так называться.

«Выдана эта справка пану Илье Бойко в том, что, поскольку град побил весь его посев, вышеуказанному пану разрешается нищенствовать».

Такое же благородное разрешение бродяжничать и побираться получили от солтыса (старосты) села Шумяч, что возле городка Турки, еще несколько односельчан «пана» Ильи Бойко. Справочки были выданы в 1938 году, ровно за год до прихода в горы Советской власти.

Другим же предоставлялось право побираться, спасаясь от голода, не в соседних селах, а далеко за океаном.

В 1933 году эмигрировали за океан из Турки 37 человек, из села Борыни — 38, из сел Жукотина и Битли — по 25, Лимны — 20, Вовче — 12.

Но и такое право не всегда предоставлялось.

Проживала в этих краях княгиня Теофилия Островская. Серьезная, судя по всему, была женщина. Порядок любила. Страсть к юриспруденции питала. В 1623 году издала «Инструкцию для избрания наказания за различные прегрешения подданных Тухольской волости». Вот выдержки: «Пункт 14. Если крестьянин знал о бегстве своего соседа из имения, но не доложил, то должен заплатить помещице четыре гривны». Лошадь, между прочим, стоила восемь гривен. «Пункт 18. Если крестьянин повез молотить зерно не на свою (помещичью) мельницу, а в другую, то зерно забирать».

Ясно, четко, без выкрутасов.

А сейчас в этой самой «Тухольской волости» проблема «чужой мельницы» как-то сама собой снята с повестки дня: хлебом и прочими продуктами в достатке обеспечивает здешний сельмаг. А деньги на это можно заработать и в совхозе, и в лесхозе, и в промкомбинате. И никто отсюда бежать не собирается. Наоборот, сюда много людей приезжает: туристы, отдыхающие, ребята — в пионерский лагерь.

И в селе Вовче, откуда нужда гнала людей за океан, тоже все теперь по-иному складывается. 250 колхозных семей живет в новых домах. Двухэтажный дом — правление колхоза. Рядом — новый клуб на 450 человек, магазин. Только в неделимый фонд колхоза за прошлый год положили 47 тысяч рублей. Перешли на гарантированную оплату труда колхозников.

Гарантия! Это ласкает слух людей, родителям которых официально гарантировали право нищенствовать. Я на выбор поинтересовался: каковы заработки? Пожалуйста: доярки Олеся Вовчанская, Екатерина Себиль получают по 100 рублей ежемесячно, строители Семен Цибак, Михайло Корнутяк — по 80—90 рублей.

В селе Верхнем Синевидном спросил:

— Неужели так из села никто и не уезжает?

— Эх, чего там не уезжает?! — сказали учителя местной школы. — Вот недавно встречу организовали по случаю двадцатилетия первого выпуска нашей школы. Откуда только не приехали наши выпускники! Богдан Мыцик аспирантуру окончил, конструктором Львовского завода автопогрузчиков работает. Роман Кирчив — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник в институте общественных наук. Богдан Лесько — начальник Сходницкого нефтепромысла... Так что лозунг «Культуру — в массы!» для нас не абстрактное понятие.

Вообще многие старые абстрактные понятия приобрели в сегодняшних Карпатах конкретное звучание.

— Спрашиваете, что такое мир? Так вот же он перед вами! — И горянин указывает на столбы высоковольтной линии, уверенно шагающие через горы, словно альпинисты, связанные одной веревочкой.

«Мир» — энергосистема, объединяющая и соседние братские страны — Чехословакию, Венгрию, Польшу...

Увлечение электричеством оказалось заразительным. Даже школьники не выдержали: взяли да своими руками построили на горной речке Оряве гидроэлектростанцию «Пионерская».

— Интересуетесь, что такое дружба? Вот она! Вам показывают грациозно перепрыгивающие через речки, потоки и вновь углубляющиеся в толщу гор трубы крупнейшего в мире нефтепровода «Дружба», по которому жидкое топливо течет в Польшу, Чехословакию, ГДР, Венгрию.

«Братство» помоложе «Мира» и «Дружбы». Строительство газопровода «Братство», несущего газ из Долинского промысла в Чехословакию, завершено этим летом.

На насосной станции нефтепровода «Дружба» в селе Козевом можно убедиться, как быстро дети горян, чабанов, лесовиков осваивают новые специальности.

Иван Хромяк работает инженером-механиком, Адольф Шматко — инженером-электриком, Любомир Буняк — начальником аварийно-ремонтного пункта, Иосиф Чемерис — слесарем. Хромяк и Буняк еще и учатся заочно во Львовском политехническом институте.

Кроме этого, все четверо систематически поют. Очень душевно поют. Поэтому, когда квартет выступил в Москве, в министерстве спросили:

— А почему бы вам, ребята, не попеть для своих приятелей — нефтяников и газовиков Тюменщины?!

Предоставили вертолет — и полетел квартет с промысла на промысел, и полетели карпатские песни по сибирским просторам.

— Что же тут удивительного?! — пожал плечами мэр поселка Славское, сын бедняка верховинца Василий Романович Улыч. — Думаете, случайно лучшие современные украинские песни — это песни о горах? Издавна известно: каждый верховинец поэт.

В доказательство он перечислял песни: «Верховина», «Черемшина», «Маричка», «Червони маки», «Цветок с полонины», «Где синие горы, где горы Карпаты», ну и, конечно же, «Гуцулка Ксеня».

О последней разговор особый. Песня о красавице гуцулке облетела весь мир. Всюду объявляли: украинская народная песня. Об авторе долгое время и не вспоминали: народная — и весь сказ. Но автор-то, Роман Януарьевич Савицкий, жив. И хорошие песни писать продолжает. «Червони маки», «Цветок с полонины» — тоже его. У подножия Карпат, в небольшом селе Любенцы, на хате учителя-пенсионера Р. Я. Савицкого висит табличка: «Здесь живет заслуженный труженик Стрыйщины».

Звучат песни над горами. Поют их верховинцы — хлеборобы и чабаны, лесники и механизаторы. И очень звонко поют туристы.

А что привлекает сюда многочисленных любителей дальних дорог — пеших и автотуристов?

Прежде всего — краса неописуемая.

Обратимся к авторитетам.

Есть на Гуцульщине небольшое село Криворивня (был бы в начале века Союз писателей, село, наверное, назвали бы Переделкино). Каждое лето съезжались сюда писатели. Любоваться красой Гуцульщины, дышать ее исцеляющим воздухом приезжали Иван Франко и Леся Украинка, Василь Стефаник и Марко Черемшина, Осип Маковей и Михайло Павлык. Бывали здесь и артисты Художественного театра во главе со Станиславским.

Ольга Кобылянская впоследствии уверяла: «Кто жил в этих горах, кто дышал их воздухом, упивался их величавой красой, того все тянет сюда, как орла в гнездо на одинокой скале».

А сколько здесь целебных минеральных источников! Воды Трускавца, Моршина, Свалявы, Поляны рекламировать не будем. Сюда и без рекламы попробуй путевку достать!

Но мне почти в каждом селе, где довелось побывать, предлагали попить «квасной (кислой) воды». И совершенно серьезно уверяли, что не существует в мире болезни, которую нельзя было бы излечить возле одного из карпатских источников.

Неподалеку от Средне-Верецкого перевала я увидел группу ребятишек, игравших в ими же придуманную игру. Как только проходила иностранная машина, один из них подпрыгивал и кричал: «Моя!» — затем делал какую-то пометку на земле. Оказалось, за каждым закрепили машины какой-либо одной страны — Венгрии, Чехословакии, Франции. За каждую прошедшую «свою» — очко. Набравший больше выигрывает. Даже если иностранец проезжал на нашей же «Волге» или «Москвиче», это ребят не смущало: они уверенно определяли принадлежность машины по номеру.

По Карпатам можно и ездить и ходить годами. О Карпатах можно писать месяцами.

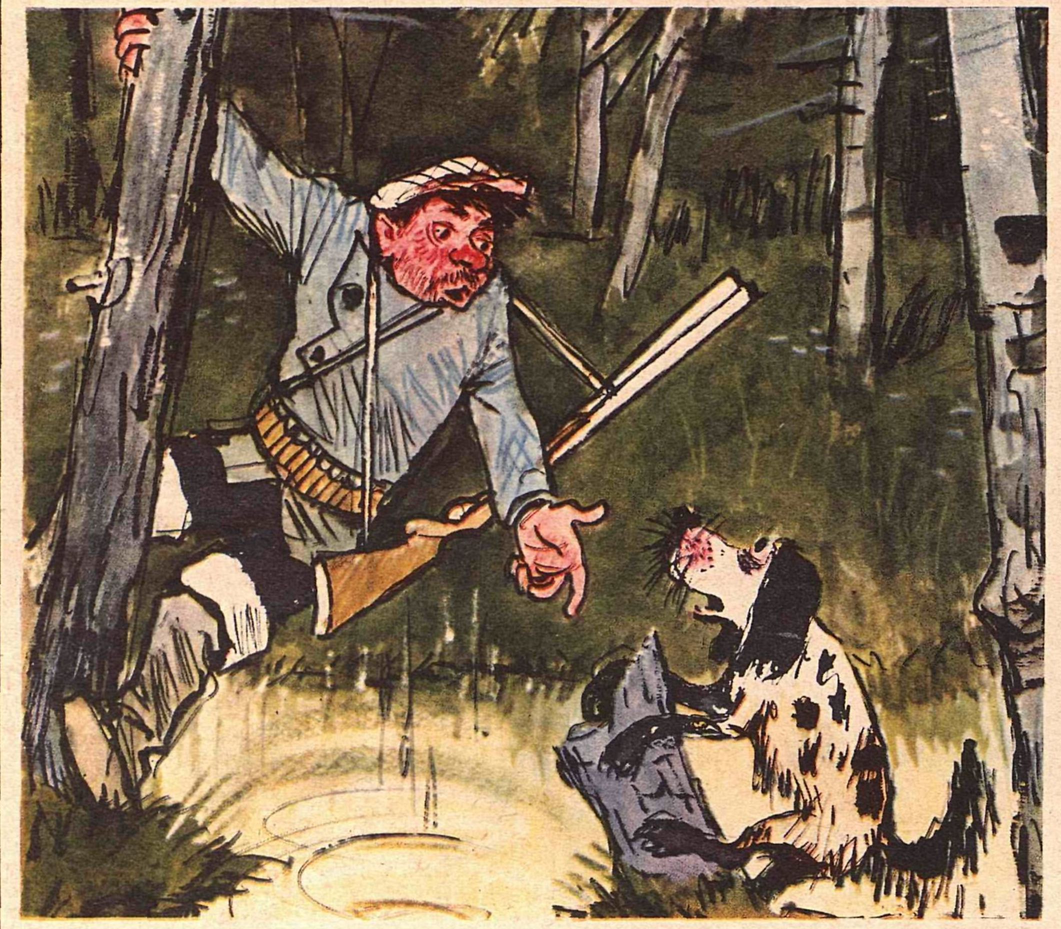
Но короче и лучше всего — петь о Карпатах карпатские песни. К сожалению, это уже не мой жанр.

Е. КРУКОВЕЦ,
специальный корреспондент Крокодила

Карпаты.

НА ТУРИСТСКИХ ТРОПАХ

Миновало время летнего отдыха, подходит к концу туристский сезон. Впечатлениям о знойном лете и золотой осени, увлекательным и веселым туристским походам, приключениям охотников и грибников посвятили художники «Крокодила» эту серию рисунков.

— Тузик, ищи! Я здесь где-то больничный лист обронил...

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

...И ДР. УСЛУГИ

Я человек любознательный. А тут еще сосед по номеру в гостинице такой попался, что так и сыплет различными сведениями, так и информирует кого попало направо и налево.

Вот и на этот раз вошел он в номер, и вдруг поднялся в комнате ветер.

— Это сквозняк,— сразу пояснил сосед.— От незакрытой двери.

Он поставил на стол бутылку с чем-то и только собрался закрыть дверь, как окно распахнулось, бутылка с чем-то полетела на пол, лопнула, и мои брюки, висевшие на спинке стула, чем-то разукрасились.

— Это лак,— сообщил тогда сосед.— Мой.

Закрыл он дверь и окно, а я взял брюки и стал живо интересоваться пятнами. Тем более, что командировка моя кончалась, и теперь мне предстояло производить этими пятнами неприятное впечатление на будущих попутчиков.

Но сосед и тут знал, что к чему.

— Не переживай,— сказал он.— Я тебе бензину принесу. Он, подлец, ужас как пятна выводит. Любые!

Конечно, интересно было увидеть поединок бензина с лаком, однако на следующее утро я самостоятельно раздобыл художественно оформленную книжку, очень содержательную и очень привлекательную. Название было «Справочник бытового обслуживания г. Фрунзе». И вот что я оттуда почерпнул: «Фабрика химической чистки принимает срочные заказы... Имеет приемные пункты...» Перечислялось множество пунктов.

Я и соблазнился. Завернул брюки в газету, выбрал пункт по улице Льва Толстого, 69.

— Здесь в срочную чистку принимают?— спросил я, приехав.

— Здесь,— сказали прохожие.

— Здесь, здесь, — подтвердила девушка - приемщица внутри здания.— Спарывайте пуговицы!

Взял я протянутую мне бритву, взял брюки и — раз-раз — быстренько их, так сказать, обеспуговил и плюс к этому дырку в них прорезал, хотя и не стремился к этому. Интересно, думаю, а зашить мне ее потом смогут? Наведался в справочник—еще как смогут! Прямо в гостинице «срочный и мелкий ремонт одежды».

А девушка-приемщица уж и квитанцию тем временем составляет. И ставит срок исполнения...

— Полмесяца? — удивился я.

— Ага,— говорит девушка.— Но скорее всего к этому времени ваш заказ еще не будет готов.

— Да? — опять не верю я.— Ведь за это время на солнце можно слетать и все пятна на нем повывести.

Ничего не ответила девушка. Некогда ей стало, потому что приблизился к окошку злой-презлой старец и закричал по поводу нарушенных сроков разные цензурные выражения.

Унес я, конечно, обратно свои брюки. Пуговички в карман ссыпал, в гостиницу к себе вернулся. А тут — сосед.

— Вот бензин! — радостно кричит он, размахивая новой бутылкой.— Давай штаны!

Пустили мы бензин в ход. А он возьми да и не осиль лак. Хорошо еще, что и лак его не одолел. Ничья у них вышла, и пятна хоть и расползлись по материалу, но при этом поблекли значительно. Так что брюки, если в них на улицу выйти, внимание прохожих не очень-то к себе прикуют, разве что пожарные привяжутся.

Однако, чтобы выйти, надо прежде дырку зашить и пуговицы приспособить в мастерской срочного и мелкого ремонта. Но перво-наперво спросить необходимо:

— Сроки у вас не месячные, нет?

— Нет,— говорят.— Три дня. Или четыре.

Выбора у меня никакого. Оставил брюки в мастерской и — в номер, читать справочник. На досуге.

Хитрюще был составлен справочник. Сначала он завлекал читателя своими художественными особенностями: «Женские костюмы остаются подчеркивающими очертания фигуры талии на естественном месте».

«Почетная задача парикмахеров. Они придают скромность и красоту человеку».

«Столы раскроя для обслуживания населения шьющих самостоятельно имеются...»

Потом восхищало количество услуг, обещаемых населению. Простирались эти услуги от изготовления калиток и ремонта обуви до «взвешивания населения на медицинских весах» и «перевода литературы с иностранной на русскую». А также клиент запросто мог потребовать оказания себе «и др. услуг».

До конца же дочитать книжку было трудно. Хотелось побежать по указанным адресам, туда, где о тебе пекутся бюро и мастерские, ателье и комбинаты, а также пункты «и др. услуг». Хотелось всеми фибрами ощутить заботу о себе.

Но я решил воспользоваться телефоном. Набрал номер.

— Это бюро услуг?—спрашиваю.— Вы знаете, у меня квартира чего-то подзасорилась, а про вас как раз написано: «Производит уборку квартир». Произведете?

— Ой! — отвечают.— Может, вы лучше сами?..

— Не могу,— говорю.— Я лентяй.

— А жена?

— Покинутый я.

— Жалко, — сочувствуют.— Не знаем, чем и помочь. Пообещать можем, а дальше видно будет.

Другой номер набрал, номер милиции, потому что сказано: имеется «стол услуг при отделениях милиции, производит натирку полов, услуги садовника на дому и др. услуги». Спросил, как бы мне прибегнуть к помощи ихнего стола услуг.

— Это вытрезвителя, что ли? — уточняет дежурный.

— Боже упаси! — говорю.— Тут у меня в садике гусеницы завелись, не могли бы вы приехать и объявить решительную борьбу с ними?

—Если нам с каждым шутить,— строго говорит на это дежурный,— то и службу нести будет некогда!

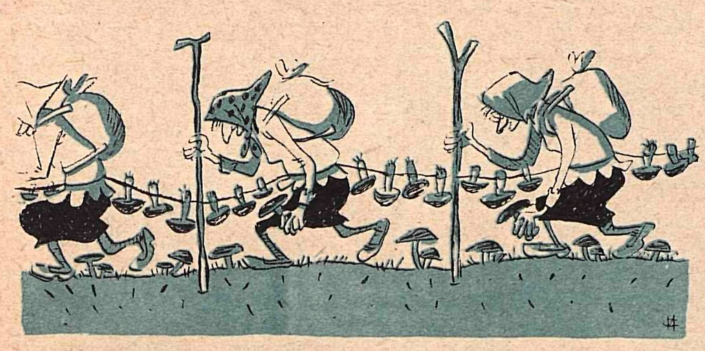
И кладет трубку.

Эх, думаю, вечно мне не везет с этими телефонными звонками! Придется, видно, самому идти.

Пошел. В мастерской по ремонту холодильников сказали:

— Сто восемьдесят седьмым будете. Через полгодика обслужим.

А в бюро добрых услуг

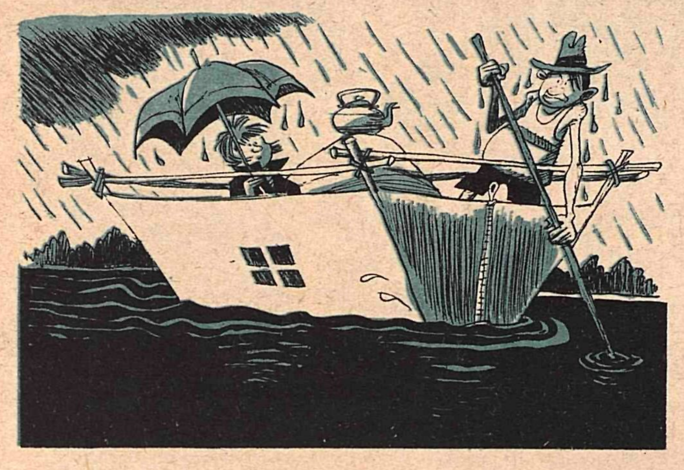

Тургрибпробег

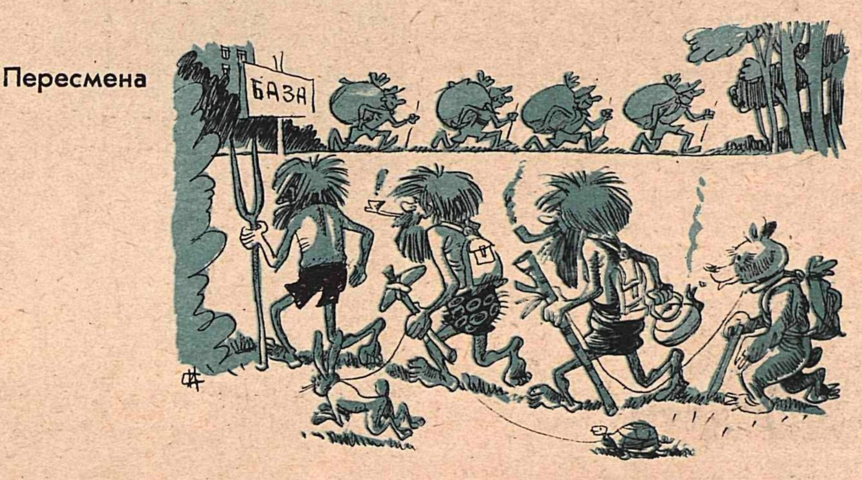
Рисунки И. СЫЧЕВА

Пообносились...

В непогоду

Пересмена

(«доставляет подарки на дом») даже спросили:

— И вы не боитесь? А что, если мы не сумеем и ваш друг останется без подарка?

Огорчился я, конечно, однако потом немного приуспокоился, благополучно постригшись, починив авторучку, взвесившись и даже записавшись на фортепьянные курсы.

А успокоившись, решил полюбопытствовать насчет того, почему в книжках пишут так, а в жизни делают иначе. К тому же и о брюках похлопотать хотелось. Так я и попал в городское управление бытового обслуживания, к заместителю начальника товарищу Сушко.

— Конечно, не все у нас благополучно,— сказал товарищ Сушко.— Отдельные участки у нас просто не управляются.

— Вами?

— Что?

— Не управляются.

— Да нет, сами. Есть уважительные причины. Неуважительные тоже, конечно, есть, но не в большом количестве. Вот, например, справочник. Он с ошибками и опечатками и поэтому во многом виноват. А в ошибках и опечатках — вот мне тут подсказывают — виновата типография номер три. Она в прошлом году так спешила приурочить выпуск книжки к празднику, что за ошибками и не уследила.

Ведь мы к светлым рубежам стремимся,— сказал товарищ Сушко.— Вот, например, написано здесь: «Производится падикюр, удаление мозолей и др.». Так вот, во-первых, разумеется, педикюр, а во-вторых, у нас уже появился специалист. Скоро будем делать, будем вносить сведения в отчеты.

— Кстати, если будете указывать в отчете общий вес населения, побывавшего на медицинских весах, приплюсуйте туда семьдесят восемь килограммов. Это я взвесился.

—Я вижу, вы со многим у нас ознакомились,— одобрил товарищ Сушко.— Хорошо у нас?

— Еще как! — сказал я.— Тепло. В коротеньких штанишках можно ходить.

Тут я обо всем и поведал. И тут же столкнулся с проявлением чуткости. Товарищ Сушко готов был лично посодействовать.

— Я так и знал! — обрадовался я. — Так я и думал: «и др. услуги» — это «и дружеские услуги».

— А вы не будете сводить на нет проделанную нами большую работу? — спросил товарищ Сушко. — Есть ведь у нас успехи?

— Есть.

— Вот так и напишите: «Несмотря на успехи, есть и отдельные недостатки».

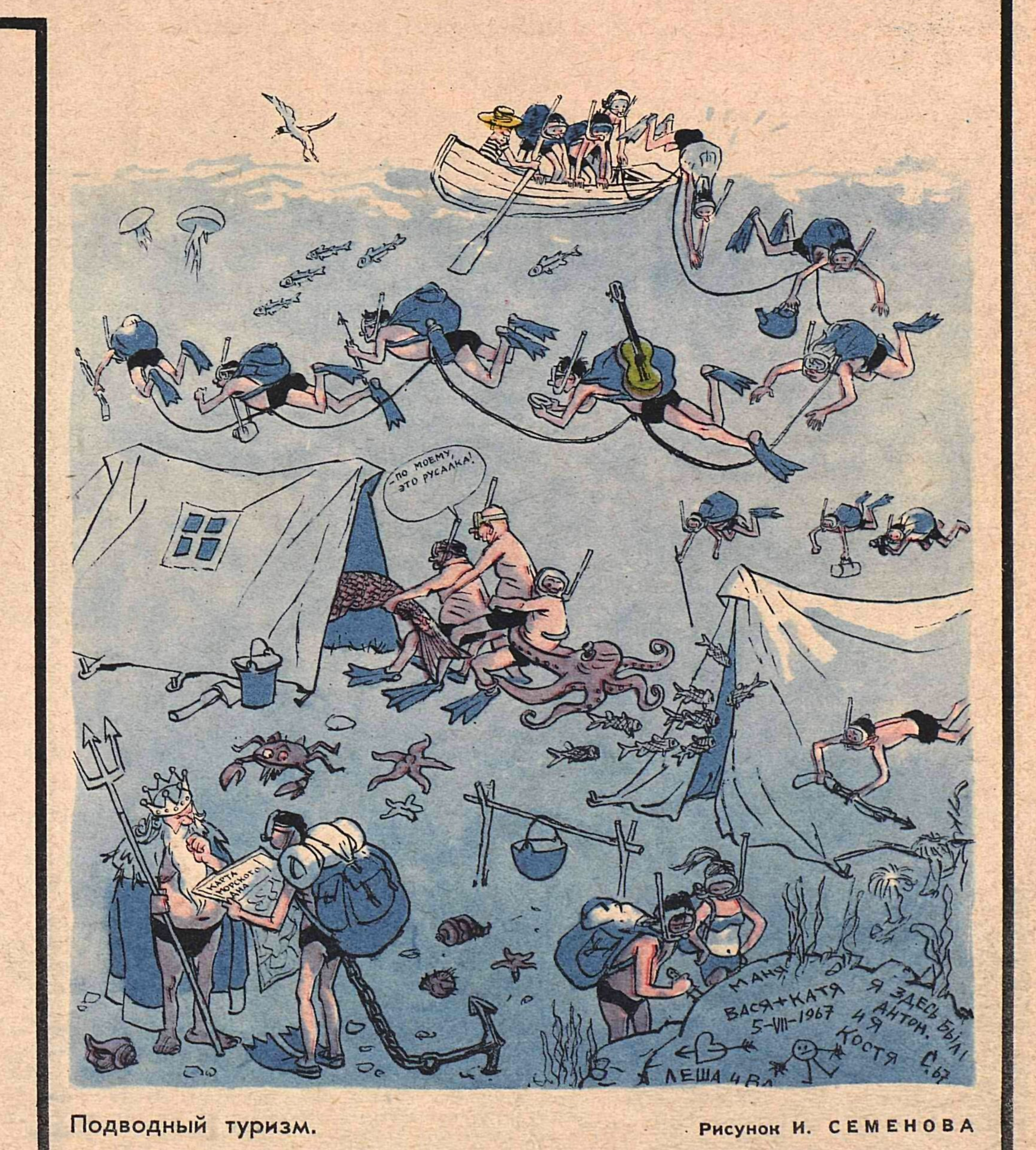
— Ладно,— сказал я.— Идет. Услуга за услугу.

* * *

Обещание выполняю: несмотря на успехи в бытовом обслуживании населения города Фрунзе, есть в этом обслуживании и ничтожные недостатки. Все!

Е. МАТВЕЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

г. Фрунзе.

Подводный туризм.

Рисунок И. СЕМЕНОВА

СЫН МУССОЛИНИ ВОЗДАЕТ ХВАЛУ... ИЗРАИЛЮ

РИМ. Выходящая в Италии неофашистская газета «Секоло д'Италиа» опубликовала письмо, присланное в редакцию из Аргентины сыном Муссолини Витторио. Сыночек, видимо, вполне достойный папы — «дуче», счел своим долгом уведомить всех: «Воздаю честь Израилю за то, что, применяя теорию фон Рунштедта и Гудериана, он ударил первый и тем самым поднял цену слова «война».

Весьма возможно, что генерал Даян был очень польщен таким признанием дучинова сына. Но все же им обоим не мешало бы вспомнить, чем закончилось на практике применение стратегических концепций фон рунштедтов и гудерианов...

БЕЛАЯ ЖЕРТВА РАСИЗМА

КЕЙПТАУН. В Южно-Африканской Республике даже машины «Скорой помощи» — отдельные для белых и черных, чтобы, упаси боже, не получилось «кровосмешения». И вот к чему это привело. Некий белый автомобилист потерпел аварию под Дурбаном и был серьезно ранен. К месту несчастного случая быстро примчалась машина «Скорой помощи», но предназначенная для черных. Ее персонал не решился подобрать нуждавшегося в срочной помощи белого человека. Машина же для белых прибыла только через два часа, когда пострадавший истек кровью. Но зато эту благородную кровь не осквернил своим прикосновением ни один «туземец».

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НОВОСТИ

ВЕЛЛИНГТОН. Министр обороны Новой Зеландии Дэвид Томпсон недавно публично заявил, что «северная граница Новой Зеландии проходит через Южный Вьетнам».

Принимая во внимание более чем тысячекилометровое расстояние между обеими упомянутыми странами, можно было бы просто усомниться в географических познаниях министра. Но бравый министр, оказывается, мыслит трезво: «Когда наши приятели (речь идет о США) находятся в затруднительном положении, мы должны по мере сил помогать им».

Новозеландцы теперь с трепетом душевным открывают газеты и включают радио. Кто знает, где завтра окажутся в «затруднительном положении» их «друзья» и в какой стране пройдет новая «граница» Новой Зеландии.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ДРУГА

ГОЛЛИВУД. Местный психолог Дейв Миллер занимается изучением психики собак. Он утверждает, что собака является как бы отражением ее хозяина и что поэтому он может определить черты психики человека путем изучения его собаки. У предприимчивого психолога нет отбоя от богатых клиентов, надеющихся, что по крайней мере собаки будут свидетельствовать в их пользу...

КАКОВ ПОП...

МОНРЕАЛЬ. Человек, руководивший строительством западногерманского павильона на Всемирной выставке в Монреале, Джордж Эдмондсон, он же Алекс Борман, как теперь выяснилось, принадлежит к тем десяти преступникам, которых американская уголовная полиция разыскивает в первую очередь.

Преступник, беглый разбойник, Эдмондсон, очевидно, вполне удовлетворял своих западногерманских заказчиков. И не удивительно: они прекрасно подходят друг к другу.

Ведь основная идея всего боннского павильона представляет собой тоже разбой, и разбой такого масштаба, какого мелкому преступнику Эдмондсону никогда и не снилось. В боннском павильоне целые местности и провинции Польши, Советского Союза, а также вся ГДР выдаются за территорию Бонна.

ВЕЛИКАЯ АМЕРИКАНСКАЯ СТЕНА

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

МАКНАМАРОВСКИЙ ЗАБОР

В Белом доме сказали: «Думай, Макнамара, думай».

И думал Макнамара... Думал с первого дня, как уселся в самое воинственное кресло в мире — кресло шефа Пентагона. Мало того, что думал сам, — заставил думать 26 тысяч своих служащих.

Чего только не изобретали в Пентагоне, а затем на практике не испытывали во Вьетнаме! По крайней мере шесть вариантов «умиротворения» прошли проверку в Южном Вьетнаме!

И вот уже опять трубят фанфары: изобретено сверхэффективное средство — «линия Макнамары».

— Колючая проволока плюс сложное электронное оборудование — вот что такое моя линия! — вещает на весь мир главный мыслитель Пентагона. — Теперь американский солдат не будет шлепать по вьетнамским болотам и подставлять лоб под партизанские пули, он будет сидеть в уютном подземном каземате и попивать виски. Захочет мышь проскочить через мою линию, и — трах-бах! — тысячи хитроумных устройств взорвут, сожгут, искромсают ее на куски.

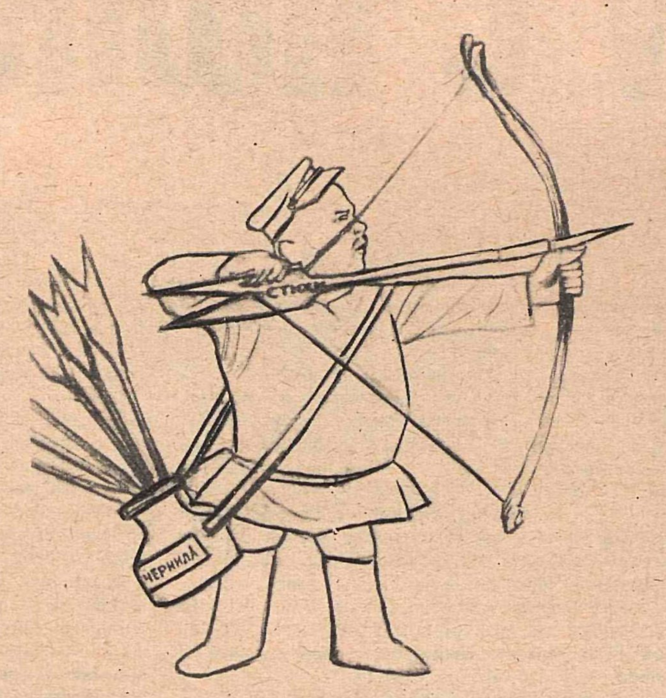
Затем главный мыслитель обратился к цифрам: заградительную линию между Северным и Южным Вьетнамом будут охранять 250 тысяч американских солдат, стоить она будет около пяти миллиардов долларов. Как мыслят в Пентагоне, «рационализаторское предложение» Макнамары поможет отрезать Юг от Севера Вьетнама, и тогда...

Вот что тогда — еще никто не знает. Пентагоновские генералы скромно предполагают, что «заградительная полоса смутит противника».

А, пожалуй, это действительно новое в военной практике: если не можешь победить противника, попробуй смутить его...

Ю. ШТЫКАНОВ

«ПРИДВОРНАЯ» ФАМИЛИЯ

Демьяну часто задавали вопрос:

— Вы бедняк по происхождению. Почему же у вас «придворная» фамилия — Придворов?

Ефим Алексеевич, смеясь, всегда рассказывал примерно одну и ту же историю.

Было это в 1896 году. Через Елисаветград проезжал высокопоставленный представитель царского двора. Отец Ефимки, подрабатывавший на вокзале подносом вещей, сумел уговорить местную власть приветствовать его сиятельство стихами, которые прочтет ему первый грамотей деревни Губовка — тринадцатилетний Ефим Придворов.

Вагоны еще не успели последний раз звякнуть буферами, а растерявшегося хлопца уже втолкнули в салон-вагон, где, удобно развалившись в кресле, пил кофе прибывший из Петербурга гость. Ефимка, которому местные богатеи-меценаты помогли написать заздравную оду царской семье, хриплым от *волнения голосом начал декламировать*. Когда прозвучали последние слова раболепного стихотворения, великий князь удивленно приподнял бровь.

— Мальчик, как твоя фамилия? — спросил он.

— Придворов, — ответил хлопчик, обтерев рукавом вспотевший от волнения лоб.

— О-о! — многозначительно протянул князь. — Да тебе самой судьбой, видно, предназначено стать придворным поэтом! — И, обращаясь к присутствующим, добавил: — Я позабочусь о его судьбе.

Встречавшие подумали, что на этом инцидент с приветствием будет закончен, но гость сдержал свое княжеское слово, и Ефим вскоре был определен — для закрепления верноподданнических чувств к царскому престолу — в Киевскую военно-фельдшерскую школу.

Но напутствию высокого гостя не пришлось свершиться. Чад официальной благонамеренности, которым так густо окурили юношу-поэта в военной школе, начал развеиваться уже в армии, при первых столкновениях с жизнью.

События 1905 года в корне изменили взгляды начинающего поэта. И вскоре молодой человек, теперь уже студент Петербургского университета, был и впрямь замечен царским двором, но не как придворный поэт, а как ярый враг престола, выступивший на защиту обездоленного брата-мужика. Новоявленный поэт-баснописец Демьян Бедный, «мужик вредный», пришелся самодержавию не ко двору.

И это не случайно. Свою родину — село Губовку, Елисаветградской губернии (ныне Кировоградская область), — Демьян Бедный называл одним из прескверненйших мест царского произвола в селах Украины. Здесь когда-то, во времена аракчеевщины, его деда Софрона за неповиновение и вольнодумство так расписали шомполами, что несчастный чуть не отдал богу душу. Дед потом всю жизнь говорил, что на барском дворе ему досконально доказали ошибочность его «придворной» фамилии...

* * *

Кто не знал имя Демьяна Бедного в первые годы революции! Ежедневные бичующие строки на страницах газет «Правда» и «Беднота», журналов «Крокодил» и «Безбожник» создали ему широкую популярность среди трудового народа.

Поэт учился у народа меткости слова и поэтому создавал произведения, которые становились поистине народными. Вместе с ними стало крылатым и имя поэта. В стране появились рабочие клубы, фабрики, колхозы имени Демьяна Бедного.

Поэта радовала такая популярность, но наряду с этим он всегда боялся неожиданных сюрпризов. Узнав, что в одном из клубов его имени, который рабочие попросту называли «Демьянка», появлялись пьяные и хулиганы, он сказал:

— Не хочу, чтобы ваш клуб назывался так, чтоб рифмовали «Демьянка — пьянка».

В то же время он однажды предложил дать свое имя... корове. Дело было так.

В «Бедноту» из деревни Евсино, Вятской губернии, крестьянин Григорий Чесноков прислал поэму «Про мужика Ивана Богомольского, про озорника Степана Комсомольского и про новый завет без изъяна евангелиста Демьяна».

Вскоре он получил ответ.

«Уважаемый товарищ Чесноков!

В редакцию «Бедноты» мною послано письмо, чтобы Вам был выслан гонорар. Какой — пока секрет. Но достаточный, чтобы приобрести на него хорошую корову. Назовите ее «Демьянихой». Мне приятно будет знать, что Ваши детишки — есть они у Вас? — будут вспоминать меня... парным молоком.

Сообщите, какое впечатление произведет на крестьян подшлифованное мною стихотворение. «Ай да Чесноков, — скажут, — Демьяна передемьянил!» И невдомек им будет, что Демьян тут «поддемьянил».

Всех благ! И хорошей «Демьянихи»!

Демьян Бедный».

Поэт был по-настоящему счастлив, когда популярность его имени приносила конкретные плоды. Широко известна его деятельность в «Окнах ТАСС» в период Великой Отечественной войны. Но мало кто знает о работе Демьяна Бедного в «Окнах» «Московского большевика», которые выпускались в то время на заводе «Серп и молот».

Плакаты со стихами Демьяна Бедного приносили большую пользу: они вскрывали недостатки, прославляли лучших *рабочих завода и бичевали отстающих*.

Как-то поэт узнал, что уральские заводы подводят — запаздывают с поставкой чугуна.

— В чем же дело? Давайте напишем Серовскому, Чусовскому и Тагильскому заводам дружеское письмо.

Через несколько дней на Урал было направлено письмо.

У вас уральская порода!
Тряхните ж мощною рукой!
Письмо к вам наше — не агитка.
Мы с вами, как игла и нитка:
Одна что стоит без другой?..

Ответ не заставил себя ждать. Под стихи Демьяна Бедного не только выполнили план, но и отгрузили чугун сверх нормы. Директор, поблагодарив Демьяна, сказал:

— Жаль, Магнитке не послали вашего письма: она ведь тоже срывает поставки...

* * *

Ежегодно 13 апреля в Кировоградской области проводится областной день поэзии. Почему только в этот день? Потому что это день рождения их земляка Ефима Алексеевича Придворова — Демьяна Бедного.

В городах и селах выступают поэты. Особенно много стихов звучит в селе Губовка, на родине Демьяна. Когда-то Ефимка Придворов был чуть ли не единственным грамотеем на селе. В сегодняшней Губовке нет неграмотных. Сельская молодежь, оканчивая школу имени Демьяна Бедного, вправе выбрать любой путь. Юные земляки поэта водят трактора, строят дома, выращивают урожаи и... пишут стихи.

Вот начало одного из них, посвященное Д. Бедному:

Он родился
В избе обыкновенной,
В обыкновенный будничный рассвет, —
Поэт большой,
Художник вдохновенный,
Несущий человеку дивный свет.

К сожалению, время не сохранило до наших дней «избу обыкновенную», а точнее сказать, убогую мазанку под соломенной крышей, в которой родился поэт. Только ее снимок можно будет увидеть в литературно-мемориальном музее Демьяна Бедного, который откроется к пятидесятилетию Великого Октября в этом селе. Колхозники выстроили на свои средства два добротных дома: один — для музея, второй — для гостей-посетителей. Провожая меня, они просили передать читателям «Крокодила», где в свое время активно сотрудничал Демьян, вот какую просьбу:

— Помещение у нас отличное, да экспонатов маловато. Если у кого сохранились рукописи, письма, фотографии — все, что связано с жизнью и творчеством поэта, присылайте нам по адресу: село Губовка, Кировоградской области, музей Демьяна Бедного. Учтите, что этот музей — первый и единственный в стране.

Свет ПРИДВОРОВ

Среди наших подписчиков много почитателей веселого таланта Леонида Ленча.

Они любят этого писателя за созданные им пьесы, киносценарии, но, конечно, больше всего за рассказы. Много лет работает Леонид Ленч в жанре юмористического рассказа. Его произведения печатаются в журналах, звучат с эстрады, передаются по радио.

Не раз выходили и сборники известного писателя.

Сколько рассказов написал Леонид Ленч? Этого никто не знает. Кажется, и он сам.

Отвечая на вопрос корреспондента Крокодила, Леонид Ленч сказал:

— Не подсчитывал, но пишу рассказы давно и каждый день.

Идя с улыбкой навстречу празднику, Леонид Ленч выпустил в «Советском писателе» новый сборник, названный коротко и выразительно: «От и до». Рассказа под таким названием в этой книге нет. Надо понимать, что автор хотел заявить:

— Вот, дорогие читатели, предлагаю вашему вниманию мои рассказы, охватывающие время от 1935 года до 1966-го.

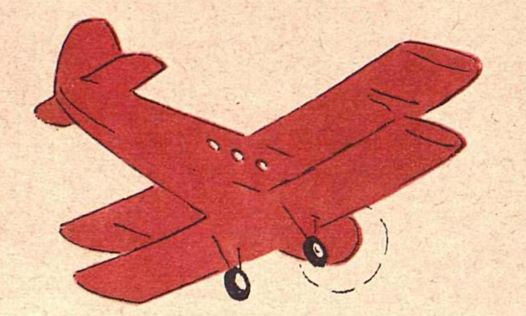
Всего в сборнике девяносто рассказов. Но это, конечно, только небольшая часть того, что написано Леонидом Ленчем за последние тридцать лет. Это — избранное, а не собрание сочинений.

В сборник вошли многие рассказы, завоевавшие широкую популярность, такие, как «Соль жирных кислот», «Женское обаяние», «Тайна», «Пережиточный вирус», «Кукарача», «Падший ангел».

В ОБНИМКУ С ПОЛЮСОМ

«Страна их ледовита и ими любима».

В. ДАЛЬ

Когда магаданец рассказывает в Ялте о магаданской погоде, ялтинцы заболевают ангиной от одного только рассказа.

Трудно сказать, что было бы с ялтинцами, случись им говорить с жителями поселка Нешкан. Потому что житель поселка Нешкан, прилетев с Чукотки в Магадан по делам, а заодно отогреться, спрашивает:

— Ну, как здесь у вас, на юге?

Школьники пятых классов учат в школе стихи о севере дальнем и сосне, которая растет одиноко. Так если говорить о Чукотке, то это север еще более дальний. Ибо никакие сосны здесь не растут, и даже более неприхотливые елки можно увидеть только на Новый год и только в домах летчиков ГВФ: обеспечиваются, держат связь с зоной леса.

Конечно, настоящим елкам завидуют, но даже зависть не убавляет почтения к летчикам.

Все на Чукотке упирается в летчиков, в оранжевые самолеты полярной авиации. По этой простой причине в чукчанскую танцевальную классику наравне с танцем «Полет чайки против ветра» входит танец «Петренко прилетел!».

Петренко уже не летает в Уэлен, он на пенсии. Теперь на окончательный север летает Боря Сабуров. Он водит «ИЛ-14» до залива Лаврентия. А от Лаврентия на «АН-2» летит дальше Комков. Эти два самолета протискиваются к посадочным полосам между сопками, взлетают с «пятачков» и доставляют в тундру самые невероятные грузы. В тундре работают тракторы — много тракторов доставили летчики. Как трактор втискивается в маленький самолет? Втискивается как-то...

Посадив самолет на каком-нибудь подходящем «пятачке», Боря Сабуров выходит из кабины с драчевым напильником и энергично пилит пропеллер:

— Подсасывает с земли камни, а они лопасти зубрят!

А потом снова под крылом тундра. Дым старательских стоянок вдоль «Золотого пояса» (а старатель уже не тот, нету лотка из обожженного тополя, финского ножика за голенищем и амулета на волосатой груди. Старатель дергает рычаги бульдозера, принесенного сюда вертолетом, и гонит вал золотоносной породы к электрическому промприбору).

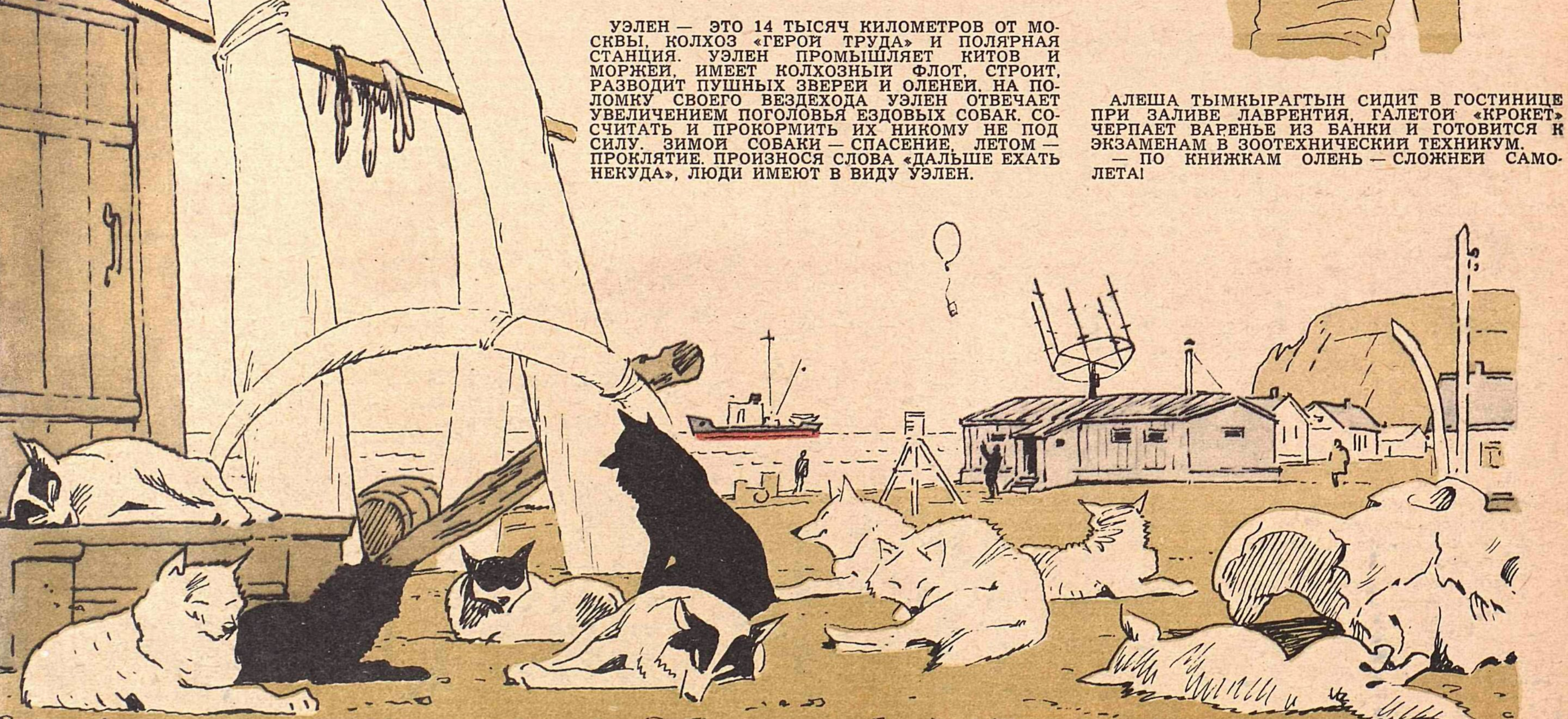
Дальше в тундре — оловянные рудники, угольные копи, тропы полумиллионного чукотского стада оленей и белые пятна новых домов в поселках. Чукотка строит. А встать на цыпочки и оглянуться в недалекое прошлое — здесь не было ни слова «строитель», ни этой специальности.

Чукотка прочно стоит на ногах. Так прочно, что уже хочется делать безответственные заявления. Писать, что китов здесь несметно, киты идут косяком, и население принимает душ под их фонтанами. Писать про «край неисчерпаемых богатств» (хотя известно, что любые неисчерпаемые можно исчерпать в два счета, смотря как будешь хозяйствовать). Словом, излагать все в том смысле, будто Чукотка сама раскрывает свои кладовые, а ты только бери.

Но она не раскрывает. Она все прячет. Под слоем гнилой воды в тундре. Под снегом, льдом. Под ветрами, которые пронизывают человеческое тело насквозь, вроде рентгеноскопии.

АЛЕША ТЫМКЫРАГТЫН СИДИТ В ГОСТИНИЦЕ ПРИ ЗАЛИВЕ ЛАВРЕНТИЯ, ГАЛЕТОЙ «КРОКЕТ» ЧЕРПАЕТ ВАРЕНЬЕ ИЗ БАНКИ И ГОТОВИТСЯ К ЭКЗАМЕНАМ В ЗООТЕХНИЧЕСКИЙ ТЕХНИКУМ.
— ПО КНИЖКАМ ОЛЕНЬ — СЛОЖНЕЙ САМОЛЕТА!

УЭЛЕН — ЭТО 14 ТЫСЯЧ КИЛОМЕТРОВ ОТ МОСКВЫ. КОЛХОЗ «ГЕРОИ ТРУДА» И ПОЛЯРНАЯ СТАНЦИЯ. УЭЛЕН ПРОМЫШЛЯЕТ КИТОВ И МОРЖЕЙ, ИМЕЕТ КОЛХОЗНЫЙ ФЛОТ, СТРОИТ, РАЗВОДИТ ПУШНЫХ ЗВЕРЕЙ И ОЛЕНЕЙ. НА ПОЛОМКУ СВОЕГО ВЕЗДЕХОДА УЭЛЕН ОТВЕЧАЕТ УВЕЛИЧЕНИЕМ ПОГОЛОВЬЯ ЕЗДОВЫХ СОБАК. СОСЧИТАТЬ И ПРОКОРМИТЬ ИХ НИКОМУ НЕ ПОД СИЛУ. ЗИМОЙ СОБАКИ — СПАСЕНИЕ, ЛЕТОМ — ПРОКЛЯТИЕ. ПРОИЗНОСЯ СЛОВА «ДАЛЬШЕ ЕХАТЬ НЕКУДА», ЛЮДИ ИМЕЮТ В ВИДУ УЭЛЕН.

ВОДИТЕЛЯ ВЕЗДЕХОДА ЗОВУТ «ЮРА — ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ». ЮРА ПОЛЬША ОБЪЕЗЖАЕТ СТОЙБИЩА ОЛЕНЕВОДОВ, СОБИРАЕТ ДЕТЕЙ. ЗАВТРА В УЭЛЕНЕ НАЧИНАЕТСЯ НОВЫЙ УЧЕБНЫЙ ГОД.

И надо быть пастухом Иваном Аренто, секретарем райкома Суворовым, председателем колхоза Ивакиным, чтобы здесь хоть что-то добыть.

Вот история первого трактора в заливе Лаврентия. Когда люди насмотрелись на него и отпустили тракториста поесть, дети сняли трактор с тормозов. Трактор ушел с откоса под воду.

Море в этом месте глубокое, а возле берега льды. И «гусиная кожа» в такой воде образует пупырышки размером с зеленый горошек.

— Дайте мне два трюмо, — сказал секретарь райкома Суворов.

Из склада принесли два зеркальных трюмо. Из шестов и зеркал секретарь смастерил перископ и ввел его в волны.

— Не видно, — сказал секретарь. — Давай шест подлиннее.

Шест подлиннее не выдержал, сломался, и всплывающей системой зеркал Суворову разбило лицо.

— Тогда по-другому, — сказал секретарь и нырнул с лодки в воду.

Вода вытолкнула его.

— Вешай груз мне на шею! — приказал людям Суворов.

На шею ему повесили тяжести. Он нырнул, и снова плотная морская вода не пустила его глубоко.

— Куда годится? — закричал он, выныривая. — Секретаря райкома не можете куда надо доставить!

И потребовал себе на шею строительную плиту. Плита унесла его вниз — насколько хватило дыхания. Дна все еще не было, и он ножом перерезал веревки на шее.

Суворов трактора не достал. Ему не дали больше нырять.

Но после этого случая, после ряда таких же вот случаев для людей на Чукотке стало меньше совершенно невозможного.

Времена меняются. Теперь на Чукотке авиация, культура, обжитость. Теперь экономика, технология, передовые методы.

А все потому, что в свое время сверхъестественный пастух Аренто сотни километров пробегал по тундре один и открывал свежие оленные пастбища.

А все потому, что в те времена, когда со средствами локации и навигации было совсем жидковато, нынешний председатель колхоза Ивакин отправлялся крепить экономику и культуру, имея в руках одну только гирьку на веревочке. И когда ослепляла пурга, Ивакин бросал себе под ноги гирьку и тянул за веревочку. Хорошо, провисает. Значит, впереди не обрыв, можно идти. И приходил.

А. КРЫЛОВ,
А. МОРАЛЕВИЧ,
специальные корреспонденты Крокодила

Уэлен — Москва.

ЛУЧШИЙ ПАСТУХ, ЛУЧШИЙ СТРЕЛОК, ЛУЧШИЙ БОРЕЦ — И УЖЕ ИЗВЕСТНО, О КОМ ИДЕТ РЕЧЬ. УТОЧНЯТЬ ЕЩЕ БОЛЬШЕ НЕ НАДО, РАЗВЕ ЧТО ДЛЯ ВЧЕРА РОДИВШИХСЯ. ЭТО ИВАН АРЕНТО.

ЛОНДОН АХАЛ, НЬЮ-ИОРК АХАЛ, МОНРЕАЛЬ АХАЛ. ОЧЕРЕДЬ ЗА ПАРИЖЕМ. А БУДЕТ ЛИ ПАРИЖ АХАТЬ? ЗАСЛУЖЕННЫЕ ХУДОЖНИКИ, УЭЛЕНСКИЕ РЕЗЧИКИ ПО МОРЖОВОМУ КЛЫКУ ВУКВУТАГИН И ТУККАЙ ГАРАНТИРУЮТ.

ВИЛЫ В БОК!

ОДНАКО ЗА ВРЕМЯ ПУТИ...

Сначала был переполох в 53-м почтовом отделении г. Киева. Едва только телеграфный аппарат бесстрастно отстучал адрес, стало очевидным, что улицы Карабийнского, куда следовало доставить телеграмму из Тбилиси, в районе данного почтового отделения не существует. Более того, энциклопедический словарь между словами «карабин» и «караван-сарай» вообще не заключал в себе фамилии исторического лица, достойного того, чтобы в его честь была названа целая улица. Словом, можно было предположить, что подобной улицы не существует не только в Киеве, но и в масштабе всей страны.

Между тем опытные связисты (которые незадолго до этого разыскали адресата на Андреевском спуске, несмотря на то, что в телеграмме значился Петровский подъем!) пришли к правильному выводу, что речь идет об улице Коцюбинского.

Но хотя улица Коцюбинского действительно имеется в Киеве, выяснилось, что Лариса Нуженая, которой была адресована телеграмма, на этой улице не проживает, а проживает Лариса Нужная. Впрочем, это были уже подробности. Так или иначе, депеша была доставлена адресату. Когда же адресат ознакомился с ее содержанием, то в квартире произошел переполох еще больший, чем на почте.

Здесь, с разрешения Ларисы Нужной, мы приводим текст на телеграфной ленте:

«Встречай папу 7 поезд 17 вагон 2 возьми у него Степочку».

В то время, когда папа уезжал из дому, никакого Степочки за ним не числилось. Однако за время пути...

Встречали без цветов, но на всякий случай прихватили детскую коляску. Когда же папа сошел на перрон, он был полностью реабилитирован, так как держал в руках не Степочку, а сеточку с мандаринами, каковая и была правильно вписана в телеграфный бланк, но трансформировалась в руках телеграфистов.

Конечно, человеку свойственно ошибаться. Но за такое количество ошибок в трех строках даже в школе не ставят единицу, а сразу вызывают маму. Приходится сожалеть, что в Министерстве связи СССР литературные упражнения некоторых телеграфистов еще не получают заслуженной оценки.

Л. ЕФИМОВ

г. Киев.

БЫСТРО, ВЫГОДНО, УДОБНО

Пассажиру, пользующемуся услугами «Аэрофлота», хорошо. В этом нас убеждает реклама.

Но иногда, когда реклама сталкивается с реальной жизнью, авиапассажиру делается нехорошо.

15 сентября в 20 час. 01 мин. из Ленинграда в Москву отправлялся самолет (рейс № 1152). В 19 час. мы были на Невском у транспортного агентства, и через несколько минут отправились переполненным автобусом в аэропорт. Все было рассчитано так, чтобы доставить пассажиров в аэропорт вовремя.

Однако в полукилометре от аэровокзала автобус остановился. У шлагбаума железнодорожной ветки стоял товарный состав. Оказывается, тепловоз был плохо подготовлен к рейсу. Машинист это в пути заметил, оставил вагоны у шлагбаума, а сам вернулся на тепловозе в депо.

Между тем с обеих сторон железнодорожного пути скапливалось все больше и больше машин.

Мы волнуемся, возможно, больше других. Смотрим на стрелки часов, приближающие время отправки нашего самолета. Самым спокойным среди нас оказался водитель автобуса.

— Дело знакомое,— сказал он.— С этим шлагбаумом одно мучение. Впрочем, можно...

Водитель словно подсказал выход из положения. Мы решили обойтись без заносчивого тепловоза, который, кажется, и не собирался возвращаться за оставленными вагонами. Мы вышли из автобуса. К нам присоединились пассажиры скопившихся машин. Короче, вручную мы перекатили три хвостовых вагона в сторону от шлагбаума.

И через несколько минут оказались в аэропорту, где нас ждал самолет с сотней пассажиров. Самолет ушел на час позже расписания.

Так железнодорожники сумели доказать, что пользование авиатранспортом не всегда бывает быстрым, выгодным и удобным.

С. ЗУСЬКОВ

г. Москва.

Дополнительный билет

Покупаю билет в кинотеатр «Родина».

— С вас еще три копейки,— говорит кассирша.— За газету «На экранах Кузбасса».

— Спасибо, но я уже купил ее в киоске.

— А в кино-то вы все-таки хотите? — парирует кассирша.— Ну, так давайте три копейки и не задерживайте очередь.

Пришлось подчиниться. Но я доволен. Было бы гораздо хуже, если бы продавали газету с нагрузкой в виде билетов.

В. ГРИЩЕНКО

г. Ленинск-Кузнецкий.

НЕ ВЫРУБИШЬ ТОПОРОМ

«Сейчас часть бригады работает в поле на уборке, вторая половина в поле на уборке, третья половина ведет разгрузку у силосной башни».

«Путь к коммунизму».
Комсомольский район,
Хабаровского края.

«В Тарасовке на спортивной базе столичного «Спартака» скоро будет обед. Его уже 15 лет готовит для футболистов команды Иван Алексеевич Прыгунов».

«Маяк».
г. Пушкино.

«Электровоз — красивое животное. У кого не замирает сердце, когда он, осмысленно глядя из-под желтых бровей, тихо рокочет, обнаруживая всю свою скрытую мощь».

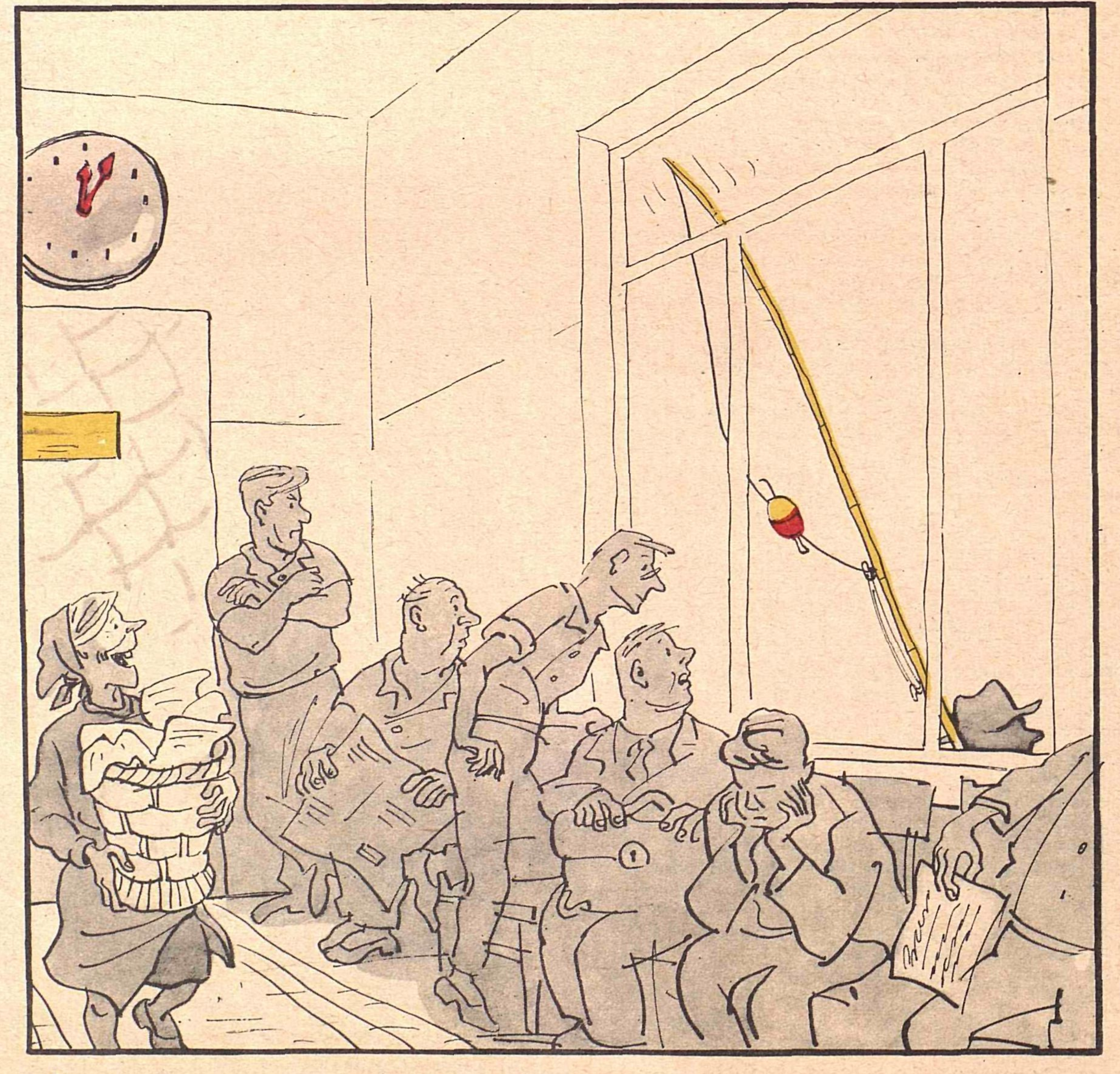
«Ленинское знамя».
г. Новоалтайск.

«Вокруг лежала уложенная в валки необъятная ширь».

«Молодой ленинец».
г. Пенза.

«В полосе отвода железных дорог выпас скота разрешается железнодорожниками в местах, дистанции пути и обязательно устанавливаемых начальником на привязи».

«Красная Шория».
Кемеровская область.

— Вот и дождались, сейчас начнется прием.

Рисунок В. ЖАРИНОВА

Н. САМОХИН

БЕДНЫЕ ДОБРЫЕ ЛЮДИ

Вечером, придя с работы, старший товаровед Лев Казимирович Макурчик переоделся в полосатую пижаму, поужинал, удалил в спальню жену и детей, сел к столу и написал три письма.

Первое письмо Лев Казимирович адресовал в редакцию областной газеты.

«Дорогой товарищ главный редактор! — писал он.— Извините, не знаю Вашего имени-отчества. Обращается к Вам ударник коммунистического труда, экскаваторщик Лев Макурчик. Экипаж нашего шагающего экскаватора взял на себя повышенные обязательства, неустанно борется за экономию горючих и смазочных материалов и за безаварийную работу. А на днях мы добились большой победы: готовясь достойно встретить международный праздник Первое мая, выполнили план на 180 процентов. По этому случаю я написал стихотворение, которое мои боевые товарищи одобрили и похвалили. Если стихи напечатают в газете, сказали они, мы обязуемся в другой раз выполнить план на 200 процентов.

От имени всего экипажа, дорогой товарищ редактор, прошу напечатать эти стихи в очередном номере Вашей газеты.

С горячим приветом Лев Макурчик».

Второе письмо предназначалось для редакции «Вечерней газеты»:

«Уважаемая редакция! Пишет Вам бывший преступник Лев Макурчик. В молодости я совершил много ошибок — воровал и грабил, за что был осужден нашим справедливым советским судом. Недавно я вышел из заключения полноправным гражданином. Первое время, конечно, тянуло на старую дорожку — воровать и грабить, но меня удержали от этого шага стихи, которыми я начал заниматься еще в исправительно-трудовой колонии.

Уважаемая редакция! Теперь вся моя жизнь и мое спасение — в поэзии, и если Вы не напечатаете данное стихотворение, боюсь, опять поверну на старую дорожку, т. е. начну воровать и грабить.

С уважением Л. Макурчик».

Третье письмо Лев Казимирович написал в редакцию комсомольской газеты «Голос молодой Сибири»:

«Дорогой «Голос» милой «Сибири»! Мне 16 лет, меня зовут Лева Макурчик. Месяц назад, 24 марта 1967 года, ко мне пришла первая любовь, но она оказалась подлой и теперь гуляет с Пашкой Губиным из четвертого подъезда. Я хотел повеситься, но вдруг написал вот эти стихи. Прошу, опубликуйте их в Вашей газете, а если нет — то, наверное, повешусь.

Гонорар слать по адресу: Глиноземная, 4, кв. 37. Макурчику Льву Казимировичу».

Примерно через полмесяца на Глиноземную, 4, кв. 37, пришло три письма. Из редакций областной и вечерней газет с плохо замаскированным испугом писали, что стихи будут опубликованы в ближайших литературных страничках, посвященных творчеству молодых поэтов. Только в «Голосе» не повезло. Ответ комсомольской газеты состоял всего из двух слов:

«Лучше повесьтесь.

С приветом литконсультант Ю. Кубликов».

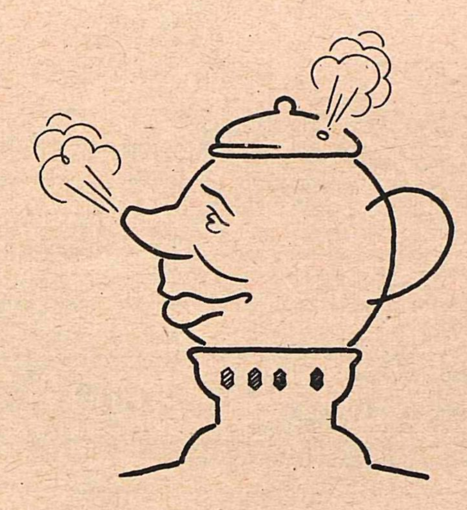
Лев Казимирович мстительно задышал, сказал: «Ах ты сопляк!» — и немедленно переадресовал стихи в отзывчивую «Вечерку».

«Дорогие товарищи! — написал он.— В ожидании Вашего ответа чуть было не свернул на прежнюю дорожку, т. е. воровство и грабеж. Но вот пришло Ваше письмо и временно удержало мою не окончательно исправившуюся руку. В связи с этим посылаю...» — и так далее.

г. Новосибирск.

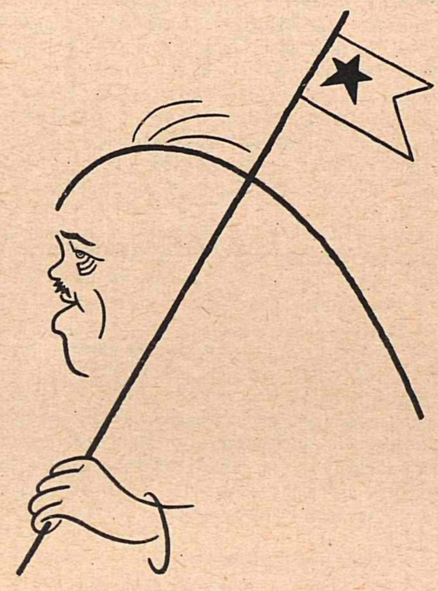

Дружеские шаржи И. ИГИНА.

Александр ПРОКОФЬЕВ

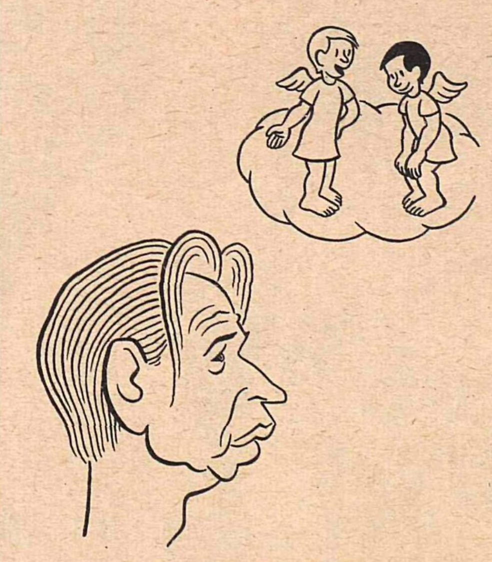
Эх, стихотворение,
Ладожское пение!
У кого горение,
А у него кипение!

Александр БЕЗЫМЕНСКИЙ

К окончанию 30-летней работы над поэмой «Трагедийная ночь»

Ах, зачем не о нем существует строка:
«Ах, зачем эта «Ночь» так была короткa!»

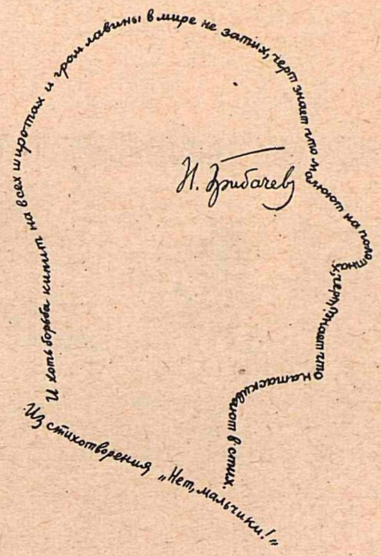

Василий ФЕДОРОВ

По поводу поэмы «Седьмое небо»

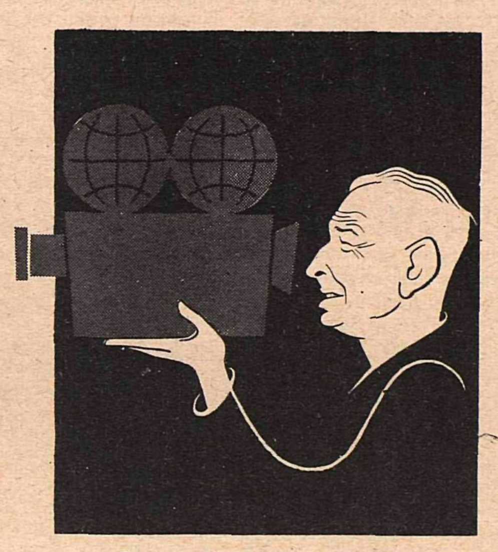
Талант, как говорят, дается людям свыше.
Но нам казалось, что седьмое небо выше...

Эпиграммы А. ИВАНОВА и А. РЕЙЖЕВСКОГО.

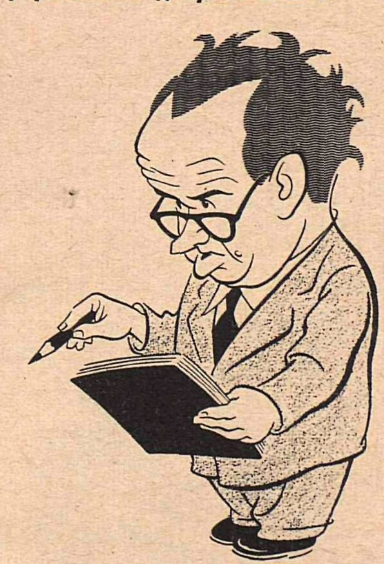
Николай ГРИБАЧЕВ

Разве есть в эпиграмме потребность и прок
При наличии этих разгневанных строк!

Роман КАРМЕН

Он знаменит.
И не мудрено,
Что мы изучаем детально
Пылкий роман
Кармена с кино,
Оформленный документально.

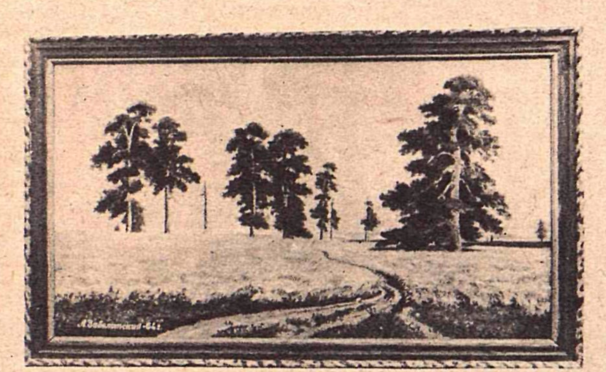

Николай ЖУКОВ

К сериям рисунков о детях

Секрет успеха своего
Он дарит взрослым без кокетства,
Хоть вдохновение его
На иждивении у детства.

ШИШКИН-67

Надоели мне аляповатые репродукции и копии с шишкинских картин на конфетных коробках, школьных пеналах и стенах диетических столовых. И захотелось отдохнуть перед неподдельными творениями этого художника.

И вот я задумчиво стою в Третьяковской галерее у картины «Рожь», словно наяву ощущая теплое дыхание ветра, напоенного медовыми запахами спелых хлебов.

— Братцы! — неожиданно раздается за моей спиной.— Картина нашего Иваныча! Как она здесь очутилась?

— Ой, глядите, точно...— сказала девочка с голубым бантом.— Но здесь и ласточек целая стая, а на той, настоящей картине их совсем нет. Может, подделка?

— Какая подделка?! — вскричал я.— Что ты городишь! Это и есть настоящая!

— Рассказывайте, дяденька! — скривила губы девочка с бантом.— Настоящая висит в нашем Доме культуры в поселке Журавка, Белгородской области. Иваныч ее нарисовал.

— Что за фамильярность! — разозлился я.— Ты хочешь сказать, Иван Иванович Шишкин, великий русс...

— Не Иван Иванович, а Алексей Иванович,— строго перебил меня голубой бант.— И не Шишкин, а Заболотский.

— Позволь! — рассмеялся я.— Посмотри внимательно на правый угол картины. Видишь, подпись: «И. Шишкин. 1878 год».

— А на картине в нашем Доме культуры написано: «А. Заболотский — 64 г.».

— Да кто хоть такой этот ваш Алексей Иванович? — завопил я на весь музей.

— Директор нашей школы,— сказали ребята и, вздохнув, добавили: — Очень строгий он у нас, дяденька. За списывание всегда колы ставит...

«Странно,— подумал я.— Почему колы, если сам списывает?»

И, приехав в Журавку, решил поближе познакомиться с творческой манерой А. И. Заболотского. Тут я узнал, что директор местной школы на досуге делает копии с репродукций и художественных открыток и реализует их как свои оригинальные произведения. А. И. Заболотский охотно пояснил:

— Возьмите шишкинскую «Рожь» и мою... С виду вроде бы одна и та же культура. Однако сорта разные. И ласточек я не вписываю. Лишние они, ни к чему.— И добавил, скромно потупившись: — Не зря меня односельчане называют гм... самородком. Так что не подкопаетесь.

— Но это не лезет ни в какие рамки! — не выдержал я.

— Почему же? — удивился он.— Лезет. Рамки-то я подбираю по размеру... И краски покупаю за свои кровные. И холст. В чем дело?

Журавский «самородок» старательно вывел на очередном скопированном шедевре: «Заболотский-67 г.» — и побежал искать покупателей.

В. КАНАЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

с. Журавка,
Белгородской области.

Сергей МИХАЛКОВ

Подсобите, товарищи!

Многие литераторы не избалованы вниманием критики. Иной десятки лет сочиняет свои стихи или рассказы, имеет своих поклонников, а сам доброго печатного слова о себе и о своем писательском труде так и не слышит.

— Несправедливо это! — воскликнул как-то раз с трибуны очередного совещания литератор Добрецов. — Нехорошо! Редко замечаем мы тех, кто честно трудится с нами в одном ряду. Не пора ли нам серьезно подумать о собратьях по перу и не проходить равнодушно мимо...

Сказав это, Добрецов написал небольшую положительную рецензию на сборник стихов немолодого поэта, долгие годы тщетно ожидавшего прочесть хоть что-нибудь о своем творчестве.

Заметка Добрецова была опубликована и до слез растрогала автора стихов «Итог жизни».

Спустя несколько дней Добрецов получил на дом бандероль, в которой обнаружил книгу рассказов для детей младшего возраста.

«Может быть, Вы найдете время на досуге перелистать мой скромный труд, — писал начинающий писатель. — Я не рискую просить Вас... однако... одним словом, Вы сами понимаете...»

Несколько забавных историй из жизни мошек и блошек даже понравились Добрецову и рассмешили его.

«Почему бы в самом деле не поддержать?» — подумал Добрецов и пожелал молодому дарованию счастливого пути в газете, изредка помещающей материалы под рубрикой «Новые имена».

Нельзя сказать, чтобы и это критическое выступление Добрецова осталось незамеченным. Вскоре на его рабочем столе лежало пять новых книг с дарственными надписями.

«...Являясь давним поклонником Вашего творчества, посылаю на Ваш нелицеприятный суд...»

«...Дорожа Вашим дорогим временем, я беру на себя смелость просить Вас...»

«...С самыми добрыми пожеланиями и... надежд...»

Засучив рукава, Добрецов сочинял заметки о последних новинках литературы. Ему искренне хотелось поддержать молодых и пожилых авторов, обойденных профессиональными критиками и рецензентами. Сам он был сценаристом и литературную критику не считал своим призванием.

Читая присланные ему книги и брошюры, Добрецов добросовестно искал в них только те положительные примеры, на основании которых можно сочинить рецензию со знаком плюс. Ибо со знаком минус она, естественно, могла бы только огорчить и разочаровать тех, которые желали ему счастья в личной жизни и успехов в творчестве.

Заметки Добрецова о прочитанных им произведениях стали все чаще и чаще появляться на страницах газет и журналов. Теперь он уже с ужасом взирал на сборники стихов, рассказов и сказок, романы и повести, книги басен и фельетонов, грудой наваленные на его рабочем столе.

«Помнишь нашу первую встречу в Доме творчества? — вопрошал в сопроводительном письме автор толстенного приключенческого романа из жизни инфузорий. — Ты был тогда еще безусым юношей. Во имя нашей первой встречи, кажется, на берегу Черного моря, я прошу тебя не посчитать за труд перелистать мой последний «кирпич» и, чего греха таить, черкануть о нем хоть пару строк куда-либо по своему выбору. У тебя это в последнее время неплохо получается. На всякий случай, дорожа твоим временем, прилагаю проектик».

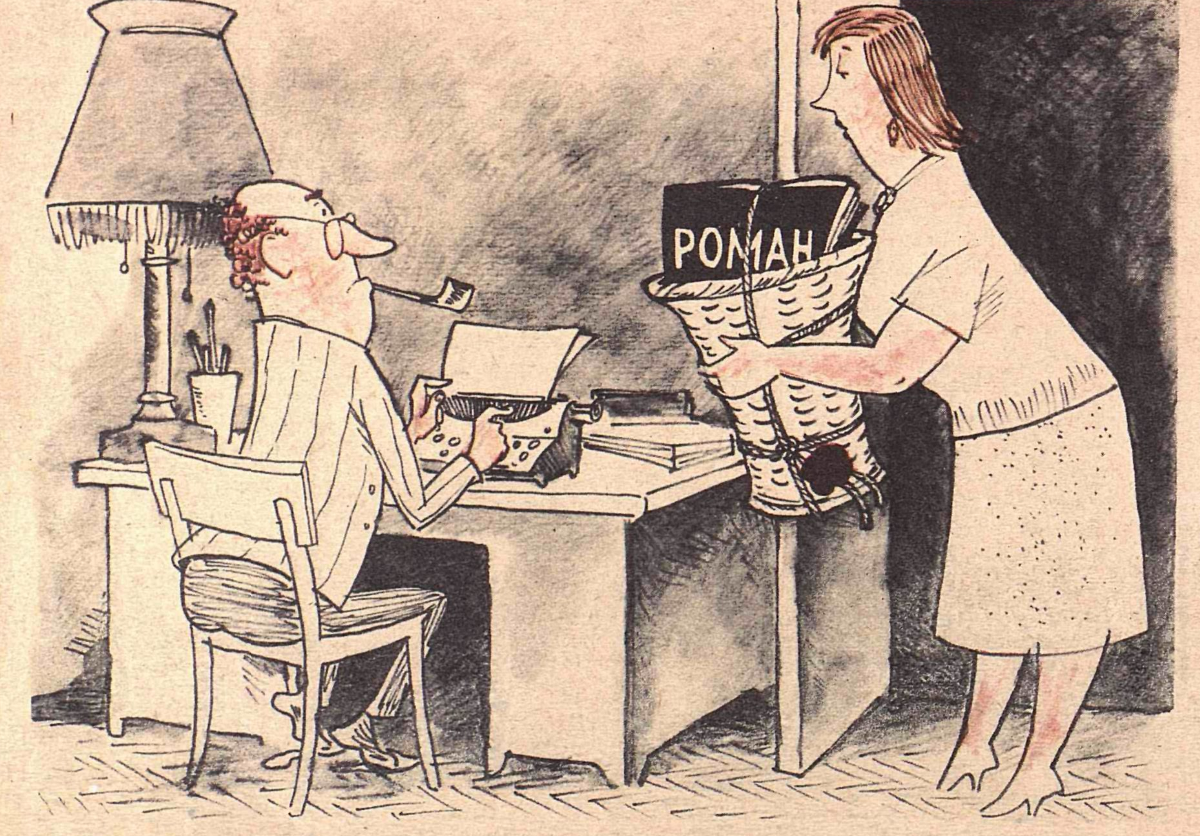
Телефонный звонок прервал грустные размышления Добрецова.

— Вы получили мою книгу переводов с эфиопского? — донесся до него чей-то простуженный женский голос. — Я послала ее вам авиапочтой... Вы меня слышите?..

Но Добрецов уже слышал звонок в передней. «Еще несут... — мелькнуло у него в голове. — О, зачем я так неосмотрительно написал тогда рецензию на сборник стихов «Итог жизни»! Я ведь мог ограничиться выступлением с трибуны...»

Однако Добрецов был человеком честным, доброжелательным, но слабовольным. На днях я прочитал его похвальную рецензию на «Критические размышления» литературоведа Демон-Ласточкина.

Товарищи критики! Подсобите Добрецову!

— Тебе что-то из редакции прислали...

Рисунок М. СОКОЛОВА

АРГО

МЕСТОИМЕНИЯ

(Зарисовки на литературном вечере)

Он

Он совершенно сбился с ног,
Он хлопотал, как только мог,
Хотя б о гостевом билете.
А получивши таковой,
С поднятой гордо головой
Безвылазно сидит в буфете...

Она

Пришла и села в первый ряд.
— Все время только говорят...
Скользнула взглядом по витрине —
— Одни романы и стихи!..
А где чулки? А где духи?
Марк, позаботься о машине!

Они

Увы, не все могли попасть,
Обиженных осталась часть,
Но все же, несмотря на это,
Я одного не мог постичь:
Как мог попасть портной Кузьмич
И маникюрщица Жанетта?

— Жена от него ушла. С комнатой.

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

МОЯ ДОСКА ОБЪЯВЛЕНИЙ

Фото В. ЛИТВИНЕНКО

г. Томск.

**«Товарищи жильцы!
Кто внес деньги на тараканов, прошу прийти к технику-смотрителю с баночкой».**

(Объявление в доме № 91 по Ленинскому проспекту.)

Копию сняла
В. ОЛИВКОВА.
г. Москва.

«Железнодорожная касса № 4 производит продажу билетов вместе с морем на самолет».

(Объявление на морском вокзале.)

Прислал В. ГОРШКОВ.
г. Баку.

НЕ ЗАМАЗУЧИВАЙ ТЕРРИТОРИЮ, СЛИВАЙ ОТРАБОТАННЫЕ МАСЛА В БАК.

Фото В. ИСТОМИНА

г. Керчь.

Фото А. КОЛЕСНИКОВА

Новосибирская область.

МИМОХОДОМ

Жена композитора о муже: «Мое музыкальное сопровождение!»

Из иной песни чем больше слов выкинешь, тем лучше.

За вход на танцевальный «пятачок» брали рубль.

Стоял сразу на нескольких точках зрения. Считал, что только так обеспечивается устойчивое положение.

Не следует обвинять спящего в том, что он на все закрывает глаза.

Контакты с собственной совестью всегда полезны.

В. ЛОМАНЫЙ

г. Ленинград.

— Знаешь, дорогая, говорят, что изобрели потрясающее косметическое средство, от которого все становятся красивыми.
— Это ты мне говоришь? Я его уже попробовала.
— Правда? Я так и подумала, что это сплошной обман.

•

— Молодой человек, когда вы решили совершить кражу, вы не подумали о своем старом отце?
— Конечно, подумал, господин судья, но в той квартире, которую я очистил, для него ничего подходящего не нашлось.

•

Встречаются две подруги.
— Как тебе живется в новом доме?
— Хорошо. Сначала я чувствовала себя там чужой, а теперь уже поругалась со всеми соседями.

•

— Как ты себя чувствуешь после свадьбы?
— Ничего. Только одно меня расстраивает: он женился удачнее, чем я вышла замуж.

•

— Посоветуйте, что мне делать, доктор! Когда ребенок находится в соседней комнате, на меня нападает безумный страх, что я не услышу, как он выпадет из кроватки!
— Этому легко помочь,— глубокомысленно ответил врач.— Уберите с пола ковер!

•

— Я очень прошу вас приехать, доктор,— говорит по телефону взволнованный м-р Смидл.— У моей жены приступ аппендицита!
— Глупости говорите, сэр! — рычит разбуженный среди ночи врач.— В прошлом году я удалил вашей жене аппендицит! Я никогда не слышал, чтобы у человека появился второй аппендикс.
— А о том, что у человека может появиться вторая жена, вам приходилось слышать, доктор?

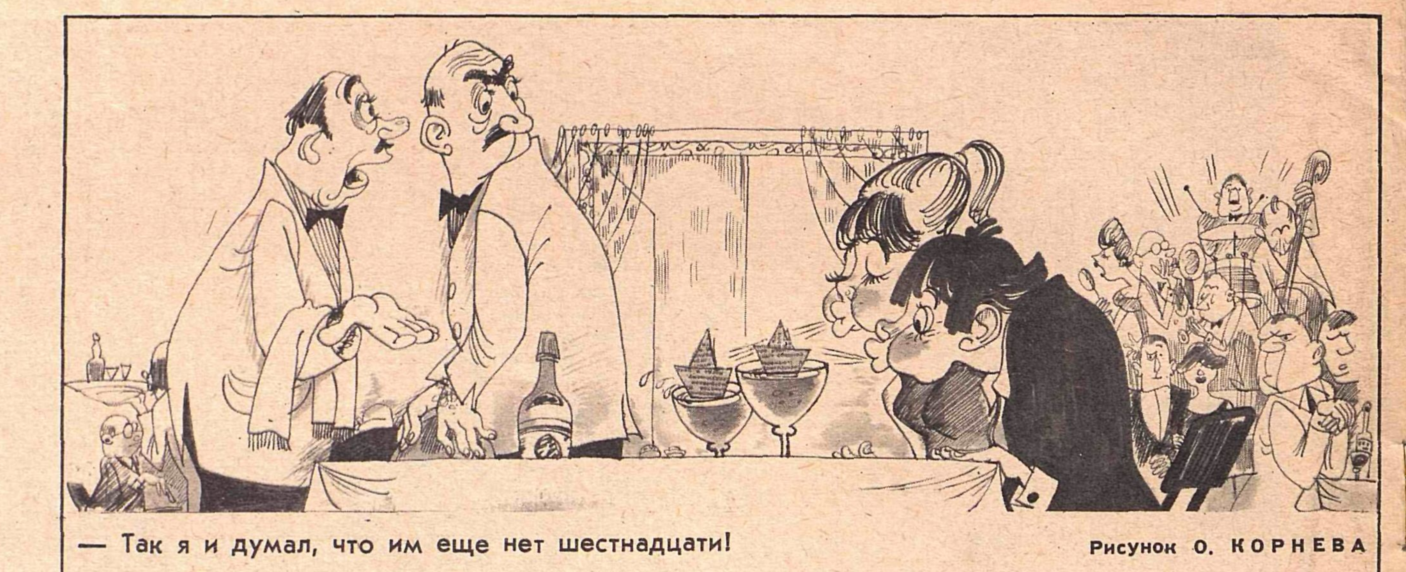
•

— Странно,— говорит клиент портному,— вы отказались принять заказ под тем предлогом, что у меня материала недостаточно. А ваш сосед напротив из такого же количества материала сшил костюм не только мне, но и выкроил из него костюмчик для своего мальчика. Почему же вы решили, что у меня материала недостаточно?
— Потому что у меня двойня! — ответил портной.

•

Разговор в пивной:
— Кто тебя так разрисовал?
— Моя собственная собака.
— Как же так?
— Очень просто. Я как-то вернулся домой трезвым, ну, она меня и не узнала.

— Так я и думал, что им еще нет шестнадцати!

Рисунок О. КОРНЕВА

Варвара КАРБОВСКАЯ

ВСЯКИЕ

Два события произошли в научно-исследовательском институте: приступ аппендицита у Геннадия Ивановича и разрыв семейных отношений у Пети Верблюдова. Вообще-то говоря, ни то ни другое к научным исследованиям отношения не имело, но не могут же люди, будучи на работе, все время заниматься одной только работой! Даже сам Геннадий Иванович, лицо ответственное (как будто бывают лица безответственные! — но так уж принято говорить), даже он ни в какое другое, а вот именно в рабочее время часто и с удовольствием произносил монологи морально-этического содержания. Он отдавал себе отчет, что по окончании работы каждый был бы вправе сказать: извините, Геннадий Иванович, но у меня такие-то и такие-то неотложные дела, и я должен бежать... А во время рабочего дня никто ему не говорил о каких-то неотложных делах, которые могли бы помешать выслушать его плавно текущие беседы.

Значит, так: Геннадия Ивановича вместе с его аппендиксом, этим червеобразным отростком, который не считается ни с временем, ни с занимаемым положением владельца,— увезли в больницу прямо из института, а молодой инженер Петя Верблюдов как раз наоборот — временно переселился в институт из собственной квартиры. По его словам, приступы семейных драм и скандалов могли привести его к летальному исходу (после случая с Геннадием Ивановичем все в институте некоторое время пользовались вкривь и вкось медицинской терминологией).

Инженер Верблюдов не имел права ночевать в НИИ, но он как-то ухитрялся это делать при полном сочувствии и взаимопонимании товарищей — даже тех, у которых в семьях было вполне благополучно. Петю Верблюдова слушали с нескрываемой жадностью, когда он рассказывал, хотя и в сдержанно-благородных тонах, но все же вполне откровенно, о своих страданиях.

В связи со всем этим нетрудно понять, какое разочарование испытал вернувшийся из больницы Геннадий Иванович. Он был уверен, что окажется в центре всеобщего сочувственного внимания и воспользуется им для рассказов о перенесенной операции,— что всякому перенесшему операцию просто необходимо! И вдруг он увидел, что в центре внимания верблюдовская семейная драма, а его больничная история решительно никого не занимает. У многих научных сотрудников аппендиксы были уже давным-давно вырезаны, и теперь они даже с некоторой лихостью говорили, что эта операция — сущий пустяк (наверно, перед операцией они так не говорили). Другим же, которые жили со своими отростками в ладу, но зато нередко ссорились со своими мужьями или женами, гораздо интереснее было послушать Петю Верблюдова.

«Ну ладно, их не интересует моя болезнь,— горько думал Геннадий Иванович,— но ведь я хочу рассказать им о вещах, которые буквально всех должны интересовать: о чуткости и равнодушии, о гуманности и недопустимой грубости. Нет, в чисто воспитательных целях я должен заставить их слушать!»

Он решил провести беседу в обеденный перерыв. Провести обдуманно, привязав к теме о моральном облике и верблюдовский семейный конфликт. Все утро до обеденного перерыва он думал, следует ли упоминать, что его жена Анна Трофимовна ежедневно приезжала в больницу и тем самым поддерживала его духовно, не говоря уже о приносимых ею фруктах и ягодах, тщательно вымытых кипяченой водой, которые наглядно доказывали ее любовь и заботу. Следует, безусловно! Подчеркнуть: друг-жена познается в беде, а некоторые молодые люди, ничуть не хлебнув никакой беды, уже готовы при первой небольшой неурядице разрушать семейный очаг...

Он расскажет им, какую гуманность проявил хирург и, наоборот, каким черствым оказался врач, в чью палату его положили после операции, в то самое время, когда он особенно нуждался в теплом внимании...

Он приведет несколько примеров непростительного бездушия этой особы, сопоставит ее поведение с исключительной самоотверженностью хирурга, тоже, между прочим, женщины, а затем перейдет к вопросу о крепкой семье. Он скажет: нельзя, Петя, быть таким нетерпимым. Женщина — это...

...— Женщина — это прежде всего мать! — сказал Геннадий Иванович.— И я говорю тебе, Петя, как младшему, как товарищу...

— Моя не мать,— сказал с места молодой инженер Верблюдов.— Она за свою жизнь никого не родила и, кстати сказать, несмотря на мои уговоры и горячее желание, даже не собиралась.

— Все равно, женщина — дочь! — не снижая выступательного пафоса, продолжал Геннадий Иванович и тут же сам поправился: — Я хотел сказать, в данном случае не дочь, а жена. Жену нужно уважать.

— Вам, Геннадий Иванович, кажется, что моя жена — это жена, но мне лучше знать, кто она мне была: не жена, а Малюта Скуратов!

Геннадий Иванович не любил непопулярные имена, хотя бы и людей давно умерших, поэтому он прервал молодого инженера:

— Не нужно, Петя. Если хочешь знать, это даже бестактно и некрасиво — выносить сор из избы.

— Но вы тоже рассказываете о грубиянке врачихе, вынося сор из больничной избы, а ведь и она — женщина,— сказал Петя и пронзительно посмотрел на Геннадия Ивановича.

«Не сдавать позиций!» — сам себе приказал Геннадий Иванович и сказал веско, как бы выступая не от себя лично, а от обиженного коллектива однопалатников:

— Неправильное поведение женщины-врача отражалось на нас, больных!

— А я что, здоровый? — с надрывом спросил Петя.— У вас аппендикс вырезали и выбросили, а у меня воспалена вся душа! Ее не вырежешь и не выбросишь.

— Правильно! — кто-то басом поддержал Петю.

— Да, но больница — дело государственное, а у тебя сугубо личное,— не сдавался Геннадий Иванович.

— Прошу прощения,— тоже не сдавался Петя,— семья, как нам известно со школьной скамьи, ячейка государства. Так что, если я ежедневно из этой ячейки приползаю на работу в растерзанном душевном состоянии, то надо что-то предпринимать. Вот вы же что-то предпримете против врачихи?

— Я уже написал в министерство,— с достоинством сказал Геннадий Иванович.— Я отметил благодарностью весь персонал больницы, но особо выделил, что наряду с гуманным отношением одних...

— А мне выделять не из кого,— сказал Петя.— Она и я. Про себя я могу сказать, что был всегда гуманным и терпел два с половиной года. А вы,

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Подписка на «Крокодил» на 1968 год принимается повсеместно без ограничений в пунктах подписки «Союзпечать», общественными распространителями на предприятиях, в колхозах, совхозах, учреждениях, учебных заведениях, а также в отделениях связи.

— Знание, дети,— это сила! Вот я в молодости не знал ботанику, так один мужик крепко надул меня с вершками и корешками.

Рисунок В. КАНЕВСКОГО

СЛОВА

Геннадий Иванович, всего какую-нибудь неделю с небольшим — и уже написали в министерство. Я же, между прочим, никуда не пишу. Ушел — и все.

— А ты вернись! — прочувствованно воскликнул Геннадий Иванович.— Вернись, Петя, и, может быть, ты увидишь слезы радости...

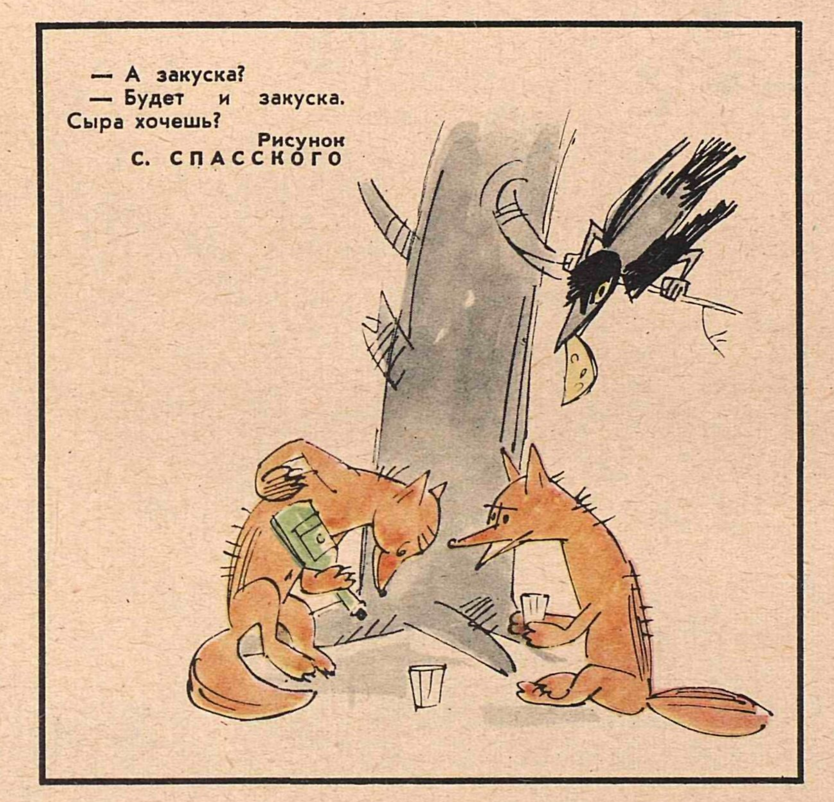
— Давайте вместе! — азартно предложил инженер Верблюдов.— Давайте, я — домой, а вы — в больницу. А потом поделимся впечатлениями о тех слезах радости, которые заблестят на голубых подведенных глазах Эллы Витальевны!

— Я... разве я назвал ее имя? — растерянно спросил Геннадий Иванович.

— Вы не называли ее имени,— сказал Петя Верблюдов.— Но как только вы сказали, в какой вы лежали больнице, так я сразу все понял: вы попали к моей супруге. Такой Малюта Скуратов, наверно, один на всю систему здравоохранения, другого такого нет. И пока вы тут возмущались ее поведением, я подумал: вот наш дорогой Геннадий Иванович не жил с ней в одной палате и то не может вспоминать о ней без содрогания. А других поучает и говорит всякие возвышенные слова, не узнав самую суть... Вы, конечно, извините меня, Геннадий Иванович, но всякие прекрасные слова не имеют никакой цены, когда они говорятся вообще, без знания предмета.

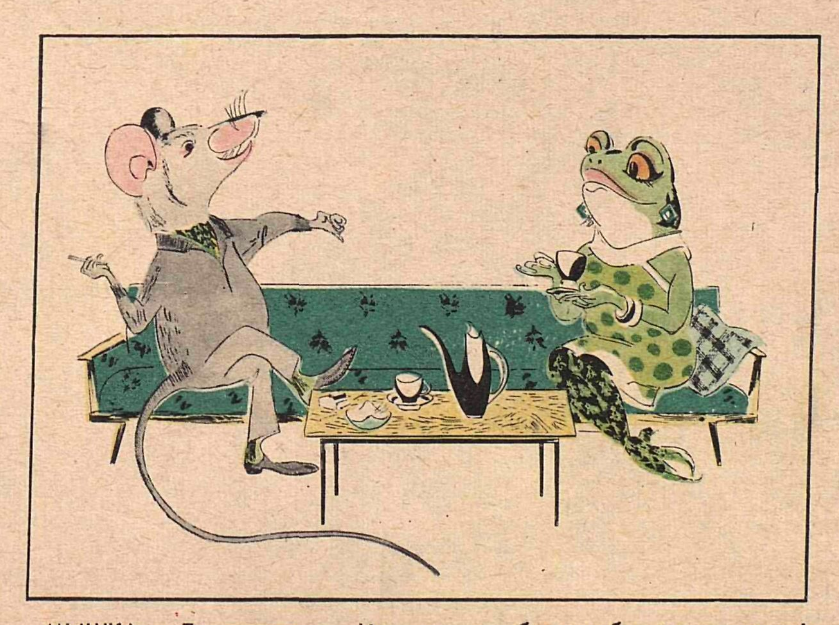
Кто-то моментально провозгласил лозунг: — Больше дела, меньше слов! — хотя, если говорить о деле, то оно как раз и стояло, потому что обеденный перерыв давно кончился. Но и Геннадий Иванович и все другие подразумевали важность какого-то другого дела, может быть, морально-этического, а не того, которое им приходилось делать изо дня в день в своем НИИ. Морально-этическое они обсуждали страстно, но оно тоже стояло на месте. Это потому, что одни были за то, чтобы Верблюдов ни в коем случае не возвращался к своей мучительнице, другие же настаивали на том, чтобы он непременно вернулся.

И только Геннадий Иванович, сам затеявший весь этот разноголосый шум, теперь мысленно задавал себе внезапно пришедший мучительный вопрос: неужели прежде чем произносить всякие правильные слова, нужно сперва вникать в суть вещей, событий и обстоятельств?

— А закуска?
— Будет и закуска. Сыра хочешь?

Рисунок С. СПАССКОГО

МЫШКА: — Тянут-потянут... Не знаю, что бы они без меня делали! А со мной — раз! —и вытянули репку...

Рисунок М. БИТНОГО

КРОКОДИЛ

№ 28 (1858)

ГОД ИЗДАНИЯ СОРОК ШЕСТОЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера разработали: А. Грунин, В. Жаринов, В. Разник, Н. Станиловский, Ю. Степанов, И. Сычев, Ю. Узбяков.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А 00225.
Подписано к печати 29/IX 1967.
Формат бумаги 70×108¹/₈.
Объем 2,80 усл. печ. л.
4,54 уч.-изд. л.
Тираж 4 600 000 экз.
Изд. № 1579.
Заказ № 2780.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448

— Какие там новости?
— Неси, неси, тебя это не касается!

Рисунок В. ДОБРОВОЛЬСКОГО